

№ 1.
1952.

114/1-52

Проверено 1984 г.

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР

СПбГУ

1

1 9 5 2

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1952

№ 11

Январь

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. ОБВИНЕНИЕ В ХИЩЕНИИ ОТВЕРГНУТО, КАК НЕ ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СОБРАННЫХ ПО ДЕЛУ

*Дело Колпакова и Воронова. Постановление Пленума
от 16 ноября 1951 г.*

[Извлечение]

По приговору Вологодского областного суда от 16 февраля 1950 г., оставленному в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 13 мая 1950 г., Колпаков и Воронов в числе других были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Колпаков признан виновным в том, что, работая в 1946—1949 гг. главным бухгалтером Вологодского Мясотреста и зная о разбазаривании фондов спирта управляющим Мясотреста Соловьевым и директором Мясокомбината Миролюбовым, также осужденным по делу, не только

не вел борьбы с хищениями государственного имущества, но непосредственно сам подписывал доверенности на получение спирта, впоследствии разбазаренного, не организовал учета доверенностей, выдаваемых на получение спирта, полученный спирт не приходовался и не ставился под отчет материально-ответственным лицам. Этим была создана обстановка для систематического хищения спирта.

С ведома и согласия Соловьева и Колпакова по распоряжению Миролюбова в Мясокомбинате, непосредственно в цехе лечебных препаратов, была организована для своих работников розничная продажа по низким ценам лечебных препаратов с большим содержанием спирта.

Р-114/1-52

Колпаков в числе других умышленно не выполнял приказа Министра мясо-молочной промышленности о порядке начисления премий за выполнение и перевыполнение производственных планов. В результате на незаконное премирование своих работников Мясокомбинат израсходовал 45 193 руб.

Кроме того, Колпаков признан виновным в нарушении финансовой дисциплины.

Воронов признан виновным в том, что, работая в 1946—1949 гг. начальником колбасного цеха Вологодского Мясокомбината, не вел борьбы с выпуском недоброкачественной продукции и допускал хищение колбасы с производства.

По данному делу Председатель Верховного суда СССР внес протест в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, полагая необходимым переквалифицировать действия Колпакова на ст. ст. 109 и 111 и действия Воронова на ст. 109 УК РСФСР и соответственно снизить им наказание. Определением Коллегии от 28 апреля 1951 г. протест был отклонен. В связи с этим Председатель Верховного суда СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, который подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, осужденные Соловьев и Миролюбов за 1946—1948 гг. разбазарили и расхитили 666 л спирта-ректификата, в том числе Соловьевым расхищено 278 л. Для получения спирта из Вологодского ликеро-водочного завода Соловьев и Миролюбов выдавали доверенности разным лицам, в том числе и таким, которые никакого отношения к системе Мясотреста не имели. На склады Мясотреста и Мясокомбината спирт в количестве 666 л не поступал, нигде не приходовался, разбазаривался по указаниям Соловьева и Миролюбова и ими же расхищался.

Только в двух доверенностях на получение спирта, кроме подписи

Соловьева, имеются подписи Колпакова — на получение 11 л спирта и 20 л. Из этих 31 л спирта 11 л по указанию Соловьева было израсходовано на устройство вечера для работников Мясотреста и Мясокомбината по случаю ноябрьских праздников. Колпакову это было известно, и поэтому он дал указание эти 11 л по складу не приходовать. Все остальные доверенности, по которым от имени Мясотреста было получено 247 л спирта, подписаны Соловьевым и его соучастниками за главным бухгалтером.

Утверждение приговора о том, что Колпаков знал о разбазаривании полученного спирта, не основано на материалах дела. Кроме указанных двух случаев, он не знал и не мог знать о получении спирта, так как ни требования на спирт, ни доверенности на получение спирта, ни счета на полученный спирт через бухгалтерию не проходили. Все это проводилось Соловьевым и его соучастниками тайно от бухгалтерии.

Осужденный Соловьев на судебном заседании показал, что в разбазаривании и расхищении спирта Колпаков не виновен.

Вместе с тем в деле нет никаких материалов, которые изобличали бы Колпакова в получении спирта лично для себя. Ни осужденные, ни свидетели в получении спирта его не изобличали. В этом и суд не признал его виновным.

Столь же необоснованно обвинение Колпакова и в том, что с его ведома в цехе лечебных препаратов для сотрудников Мясокомбината отпускались по дешевым ценам лечебные препараты с большим содержанием спирта. Колпаков к порядку реализации лечебных препаратов Мясокомбината никакого отношения не имел.

Составляя ежемесячные отчеты о выполнении производственной программы, работники Мясокомбината при определении валовой продукции,

кроме основного ассортимента: мяса, колбасы, жиров и мыла, включали и производство фолликулина. Кроме того, при расчете валовой продукции фолликулина они завышали его стоимость. Таким путем они добивались перевыполнения планов по валовой продукции и назначали себе за это премии. Ведомости на выдачу премий утверждались Соловьевым и Колпаковым.

Колпаков при этом действовал не из корыстных побуждений, так как сам премий не получал. Его вина состоит в том, что он не обеспечил правильную постановку учета и отчетности, чем воспользовались работники Мясокомбината, незаконно добываясь премирования. Некоторые основания к этому давал и сам приказ о премировании своей неясной редакцией.

По делу следует считать установленным, что с ведома Колпакова Мясотрестом было изъято из текущих поступлений Мясокомбината 106 800 руб. и израсходовано помимо госбанка на управленческие расходы. В связи с этим обвинение Колпакова в нарушении финансовой дисциплины следует считать доказанным.

По поводу обвинения Воронова в выпуске недоброкачественной продукции в приговоре приведено два эпизода: выпуск в мае 1949 года нестандартной твердо-копченой колбасы в количестве 195 кг и выпуск тогда же партии ливерной колбасы, которая также после анализа была признана нестандартной и не пригодной для употребления в пищу.

По этим эпизодам необходимо отметить, что забракованная колбаса в реализацию еще не была выпущена и в связи с этим, а также в связи с его служебным положением к Воронову не был применен закон, карающий за выпуск недоброкачественной продукции. Кроме того, вину за изготовление 195 кг недоброкачественной твердо-копченой

колбасы сам суд возложил на главного инженера осужденного Тимофеева.

Обвинение Воронова в хищении колбасы основано на том, что осужденные Соловьев и Миролюбов еженедельно получали из колбасного цеха по 2—3 кг колбасы. Сам Воронов в хищениях не изобличался, и суд в этом не признал его виновным.

Таким образом, анализ материалов дела не дает оснований признать правильным обвинение Колпакова и Воронова в хищении государственного имущества.

Как видно из изложенного, Колпаков допустил злоупотребление служебным положением, выразившееся в нарушении финансовой дисциплины и в допущении незаконного использования 11 л спирта; кроме того, в результате проявленной им халатности было допущено незаконное премирование работников Мясокомбината. Эти преступные действия Колпакова подлежат квалификации по ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР.

Действия Воронова, которые, как видно из изложенного, содержат лишь признаки злоупотребления служебным положением, подлежат квалификации по ст. 109 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, отклонив протест Председателя Верховного суда СССР, не опровергла изложенных в нем доводов и лишь повторила содержание приговора.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 апреля 1951 г. в отношении Колпакова и Воронова отменить.

Переквалифицировать действия Колпакова на ст. ст. 109 и 111 и Воронова на ст. 109 УК РСФСР.

**2. ОТМЕНЯЯ ПРИГОВОР СУДА, ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД ОБЯЗАН УКАЗАТЬ
ОБОСНОВАННЫЕ ДОВОДЫ, ОПОВЕРГАЮЩИЕ МОТИВЫ,
ПОЛОЖЕННЫЕ СУДОМ В ОСНОВУ ПРИГОВОРА**

*Дело Товма и Баскакова. Постановление Пленума
от 16 ноября 1951 г.*

Товма и Баскаков были преданы суду: первый — по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и второй — по ст. 17 УК РСФСР и ст. 4 названного Указа. Товма обвинялся в том, что он, работая заведующим хозяйством Пищекомбината Новосельского района, Грозненской области, 22 марта 1948 г. по договоренности с объездчиком колхоза им. Сталина, Новосельского района, Грозненской области, Баскаковым совершил хищение 800 кг сена, принадлежащего указанному колхозу. Кроме того, в том, что он 1 апреля 1948 г. совершил хищение 193 кг семенного овса, принадлежащего Пищекомбинату. Баскаков обвинялся в том, что он по договоренности с Товма совершил хищение 800 кг сена, принадлежащего колхозу им. Сталина, за что получил от Товма 5 л вина и должен был еще получить 250 руб.

17 сентября 1948 г. народный суд Сунженского района, Грозненской области, рассмотрев дело, признал, что Товма не знал о том, что покупаемое им сено у Баскакова принадлежит колхозу, а не лично Баскакову, и вынес ему оправдательный приговор, а Баскакова осудил по ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

29 сентября 1948 г. Судебная коллегия по уголовным делам Грозненского областного суда приговор народного суда по делу Товма и Баскакова оставила в силе, отклонив кассационную жалобу Баскакова и кассационный протест прокурора об отмене приговора в отношении Товма и направлении дела о нем на новое рассмотрение.

31 декабря 1948 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту Председателя Верховного суда РСФСР приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Грозненского областного суда по делу Товма и Баскакова отменила и дело по обвинению их направила на новое судебное рассмотрение по мотивам необходимости более тщательного исследования собранных по делу доказательств.

Приговором от 13 мая 1949 г. народный суд Красноармейского района, Грозненской области, признал доказанным предъявленное Товма обвинение в хищении 800 кг сена из колхоза им. Сталина, а обвинение в хищении 193 кг семенного овса недоказанным и осудил его по ст. 3 упомянутого Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Предъявленное же Баскакову обвинение суд признал недоказанным и вынес ему оправдательный приговор.

8 июня 1949 г. Судебная коллегия по уголовным делам Грозненского областного суда приговор народного суда Красноармейского района по делу Товма оставила в силе, а его кассационную жалобу без удовлетворения.

23 ноября 1950 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по протесту Прокурора РСФСР приговор народного суда Красноармейского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Грозненского областного суда по делу Товма и Баскакова вновь отменила и дело по обвинению их направила на новое судебное рассмотрение в Грозненский областной суд по первой инстанции.

14 апреля 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, рассмотрев протест

Председателя Верховного суда СССР об отмене определения Верховного суда РСФСР от 23 ноября 1950 г. по делу Товма и Баскакова, протест отклонила.

В связи с этим Председатель Верховного суда СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, который подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В соответствии с указанием Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 31 декабря 1948 г. народный суд Красноармейского района, Грозненской области, при новом рассмотрении дела тщательно исследовал в судебном заседании все доказательства обвинения Товма и Баскакова, допросив в судебном заседании всех проходивших по делу свидетелей и подробно проверив данные ими показания.

Признав обвинение Баскакова недоказанным, народный суд Красноармейского района в приговоре в соответствии с требованиями ст. 334 УПК РСФСР дал подробный анализ всем собранным по делу доказательствам и привел мотивы, положенные в основу оправдания Баскакова. Такой же подробный анализ дал народный суд доказательствам обвинения Товма в хищении 800 кг сена и привел в своем приговоре обоснованные мотивы, почему он признал недоказанным обвинение Товма в хищении 193 кг семенного овса.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 23 ноября 1950 г., отменяя этот приговор, не обосновала эту отмену, сославшись в своем определении лишь только на то, что суд якобы при рассмотрении дела игнорировал показания допрошенных по делу свидетелей Гайдукова, Федоренко и Хитрук, уличающих Баскакова в хищении 800 кг сена. Эта ссылка Судебной коллегии несостоятельна и противоречит фактическим обстоятельствам дела, так как народный суд тщательно исследовал показания указанных свидетелей и привел в своем приговоре подробные моти-

вы, почему он признал эти показания несостоятельными.

Народный суд в приговоре указал, что первоначально Товма показал, что обнаруженное в Пищекомбинате сено он купил у гр-на Степина за 600 руб., в дальнейшем же он изменил свои показания и заявил, что сено он купил у Баскакова.

Свидетель Гайдуков первоначально показывал, что он, Товма и Федоренко поехали из Пищекомбината за сеном прямо в поле. Такие же показания первоначально дал и свидетель Федоренко. В дальнейшем свидетели Гайдуков и Федоренко после ряда допросов изменили данные ими показания и заявили, что обнаруженное в Пищекомбинате сено они купили у Баскакова. Действительно, как свидетели Гайдуков и Федоренко, так и свидетель Хитрук дали по делу противоречивые показания.

Народный суд, оценивая показания этих свидетелей, пришел к выводу, что свидетели дали столь противоречивые показания по делу потому, что они были заинтересованы в исходе дела, так как лично сами совместно с Товма перевозили сено с поля колхоза им. Сталина в Пищекомбинат и, следовательно, ответственные за это. Обстоятельства этого дела давали основания народному суду для такого вывода.

Товма и свидетели Гайдуков и Федоренко показали, что когда они на автомашине поехали за сеном, то первоначально заехали к Баскакову и выпили с ним по стакану привезенного ими вина, потом поехали за сеном, а на обратном пути вновь заехали к Баскакову и вновь распивали вино. По этому поводу народный суд в своем приговоре указал, что хищение 800 кг сена Товма совершил 22 марта 1948 г., а 5 л вина, которые по показаниям Товма, Гайдукова и Федоренко якобы были выписаны для дачи Баскакову за сено, и были распиты с ним 22 марта 1948 г. во время хищения сена, фактически были выписаны и получены со склада 23 марта 1948 г.,

когда сено уже было похищено. Действительно, из имеющейся в деле справки-накладной видно, что 5 л вина были выписаны и получены со склада 23 марта 1948 г.

Народный суд в приговоре указал, что Баскаков 22 марта 1948 г. не был дома, а находился в селе Новосельском, где выполнял задание колхоза. Действительно, из показаний свидетеля Илларионова видно, что он вместе с Баскаковым утром 22 марта 1948 г. по поручению колхоза уехал в село Новосельское, где они пробыли целый день, выполняя задания колхоза. Это обстоятельство подтверждено и имеющейся в деле официальной справкой.

Народный суд в приговоре сослался также на то, что после хищения Товма 800 кг сена, Баскаков проявил инициативу по розыску похищенного сена. Из показаний свидетеля Нестеренко, допрошенного по делу, видно, что Баскаков действительно разыскивал похищенное с колхозного поля сено и приезжал с этой целью в Пищеккомбинат.

Как видно из изложенного, народный суд тщательно проверил все собранные по делу доказательства, и

указание Судебной коллегии Верховного суда РСФСР, что суд игнорировал показания свидетеля Гайдуклова, Федоренко и Хитрук, не вытекает из материалов дела.

В протесте, внесенном в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР, приведены конкретные мотивы в опровержение определения Верховного суда РСФСР. Коллегия же, отклонив протест, не привела в своем определении ни одного довода не только в опровержение выводов народного суда Красноармейского района, но и не привела мотивов, послуживших основанием для отклонения протеста.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 23 ноября 1950 г. и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 14 апреля 1951 г. по делу Товма и Баскакова отменить, оставив по их делу в силе приговор народного суда Красноармейского района, Грозненской области, от 13 мая 1949 г. и определения Судебной коллегии по уголовным делам Грозненского областного суда от 7 июня 1949 г.

3. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕ В СООТВЕТСТВИИ С НАПРАВЛЕННОСТЬЮ УМЫСЛА ОБВИНЯЕМЫХ

Дело Давыдова и Афанасьева. Постановление Пленума от 23 ноября 1951 г.

[Извлечение]

По приговору линейного суда Калининской ж. д., оставленному в силе определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР, Давыдов и Афанасьев были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Давыдов и Афанасьев признаны виновными в том, что они по пред-

варительной договоренности похитили стог сена, принадлежащего домоуправлению № 18 ст. Себеж Калининской ж. д.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Пленум находит, что действия осужденных были неправильно квалифицированы по упомянутому Указу.

Из дела видно, что Давыдов и Афанасьев, не отрицая хищения сена, вместе с тем показали, что они

не знали, что сено принадлежало домоуправлению и полагали, что оно принадлежит работнику паровозного депо Петухову. Петухов в свою очередь показал, что Давыдов и Афанасьев могли не знать, кому принадлежит сено, так как часть участка, с которого ими было совершено хищение, была выделена также и ему, и он с этого же участка косил сено для своих надобностей.

При всех указанных обстоятельствах следует признать, что по делу имеется достаточно данных, свидетельствующих о том, что умысел

осужденных был направлен не на хищение государственного имущества, а на кражу личной собственности.

При этих условиях действия осужденных подлежат квалификации по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», а не по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Уголовный кодекс

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. СОКРЫТИЕ ФАКТИЧЕСКОЙ СТОИМОСТИ ПОКУПАЕМОГО ДОМОСТРОЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ НЕДОПЛАТИТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОШЛИНЫ СОДЕРЖИТ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 62 УК РСФСР

*Дело Белоусовой и Рылова. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 31 октября 1951 г.*

По приговору народного суда 2-го участка Заельцовского района, Новосибирской области, осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Белоусова и Рылов.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 14 апреля 1951 г. действия Белоусовой и Рылова переклассифицированы на ч. 1 ст. 72 УК РСФСР.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на предмет переклассификации действий Белоусовой и Рылова на ч. 1 ст. 62 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила: Белоусова и Рылов признаны виновными в том, что они при оформлении в нотариальном порядке сделки по приобретению ими домостроения с целью занижения подлежащей уплате госпошлины указали в договоре, что домостроение ими покупается за 10 000 руб., тогда как в действительности домостроение ими было куплено за 40 000 руб. и таким путем недоплатили госпошлину в сумме 900 руб.

Приговор и последующие определения подлежат изменению по следующим основаниям:

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассматривая дело по протесту Прокурора РСФСР, правильно пришла к выводу об отсутствии в действиях Белоусовой и Рылова состава преступления, предусмотренного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», так как в данном случае никакого изъятия государственных средств Белоусовой и Рыловым не произведено.

Белоусова и Рылов, представив договор купли-продажи домостроения с заведомо неправильным указанием покупной стоимости, уклонились от уплаты причитающейся с них госпошлины.

Однако Судебная коллегия Верховного суда РСФСР неправильно действия Белоусовой и Рылова со ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» переклассифицировала на ч. 1 ст. 72 УК РСФСР.

Статья 72 УК РСФСР предусматривает случаи подделки документов, выдаваемых государственными

учреждениями или общественными организациями, используемых поддельщиками или другими лицами в целях получения каких-либо выгод. В данном же случае осужденные представили фиктивный документ, который они составили сами и от своего имени с целью уклониться от уплаты причитающейся с них госпошлины.

Организованное осужденными по взаимному соглашению сокрытие действительной стоимости покупаемого ими домостроения с целью недоплатить государству госпошлины содержит в себе признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 62 УК РСФСР.

2. ПРИ ОТСУТСТВИИ УМЫСЛА НА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА В СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ НЕТ СОСТАВА ХИЩЕНИЯ

Дело Теслюка. Определение Водно-транспортной коллегии от 11 июля 1949 г.

По приговору линейного суда железнодорожного и водного транспорта Сахалина Теслюк, обвинявшийся по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», по суду оправдан.

Рассмотрев дело по кассационному протесту прокурора Корсаковского участка Сахалинского бассейна, Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР установила:

Теслюк обвинялся в том, что он, будучи сторожем стройдвора стройучастка № 2 Главдальфлота, 27 января 1951 г. в отсутствие кладовщика похитил со стройдвора один ящик оконного стекла в количестве 15 кв. м и 1000 штук штукатурной дранки, всего на сумму 268 руб.

В своем протесте прокурор просит приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия по мотивам неполноты судебного следствия.

Протест прокурора не может быть удовлетворен по следующим основаниям:

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 2-го участка Заельцовского района, определения судебных коллегий по уголовным делам Новосибирского областного суда и Верховного суда РСФСР в отношении Белоусовой и Рылова изменить: действия их со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» переквалифицировать на ч. 1 ст. 62 УК РСФСР.

Из материалов дела усматривается, что в 1950 году Теслюк получил государственную ссуду на строительство дома как застройщик. В начале января 1951 года Теслюк обратился с письменным заявлением к начальнику участка об оказании ему помощи в достройке дома, в связи с чем Теслюку было дано разрешение на получение материала, необходимого для настила пола, производства штукатурных работ и остекления окон.

В конце января 1951 года Теслюк обратился с просьбой к заместителю начальника участка Перову об отпуске одного ящика стекла и дранки, на что Теслюк также получил устное согласие Перова.

27 января 1951 г. Теслюк, находясь на работе и имея разрешение Перова на получение указанных стройматериалов, в отсутствие кладовщика без оформления документами, но с разрешением заведующего гаражом Буренко взял ящик стекла и 1000 штук дранки и на автомашине вывез их к себе на квартиру. Впоследствии Теслюк пытался выпи-

сать документы и оплатить стоимость вывезенных им материалов, однако начальник строительного участка Рубцов не разрешил этого сделать. Эту же операцию Рубцов не разрешил произвести Теслюку и после того, как Перов прибыл из командировки и подтвердил обстоятельства получения Теслюком стройматериалов.

Следовательно, утверждения Теслюка о том, что материал он вывез с разрешения администрации, что намерения похитить стройматериал у него не было и что стройматериал он вывез в отсутствие кладовщика потому, что его на стройдворе не было, а у него, Теслюка, на квартире находился стекольщик в ожидании работы по остеклению рам, ничем не опровергнуты, а, наоборот, находят подтверждение в материалах дела.

Стройматериал Теслюком вывезился не тайно, а открыто около 10 часов утра в присутствии рабочих Черногорова и других, оказывавших Теслюку помощь в погрузке материалов на автомашину, выделенную заведующим гаражом Буренко для Теслюка. Теслюку было разрешено отлучиться с работы и

вместо него работу сторожа выполняла работница Иванова. При желании Теслюк имел полную возможность как сторож вывезти стройматериал в ночное или в другое более удобное для него время, чего он, однако, не пытался сделать. Теслюк принимал все меры к выплате стоимости материалов, факта вывоза материалов перед кладовщиком Чертковой не скрывал. Отпуск строительных материалов с последующим оформлением документами в практической работе участка допущался и ранее.

Теслюк по работе характеризуется как честный и добросовестный работник. Изложенное подтверждено свидетельскими показаниями Перова, Рубцова, Чертковой, Буренко, Гаськова, Ивановой, а также справкой, представленной суду обвиняемым Теслюком.

Суд правильно вынес Теслюку оправдательный приговор.

Руководствуясь ст. 436 УПК РСФСР, Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Протест прокурора отклонить, а приговор линейного суда по делу Теслюка оставить в силе.

3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОТМЕНЕНО ВВИДУ НАЛИЧИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОЦЕНКЕ ВИНОВНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ СОУЧАСТНИКОВ

*Дело Волчинской и других. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 31 октября 1951 г.*

Приговором Иркутского областного суда от 31 марта 1950 г. в числе других осуждены: Волчинская по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и Поленова — по ст. 17 УК и ст. 2 того же Указа от 4 июня 1947 г.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 25 мая 1950 г. при-

говор от 31 марта 1950 г. в отношении Волчинской и Поленовой оставлен в силе.

Приговором Иркутского областного суда от 8 мая 1951 г. осуждены по ст. 109 УК РСФСР и по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Либерман и Кондратьев.

Этим же приговором определено

взыскать в доход государства с Либермана 13 500 руб. и Кондратьева 5400 руб.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор от 8 мая 1951 г. в отношении Либермана и Кондратьева изменен: обвинение по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» из приговора в силу п. 5 ст. 4 УПК РСФСР исключено, мера наказания по ст. 109 УК РСФСР снижена.

Протест Генеральным Прокурором СССР внесен на предмет отмены определения Верховного суда РСФСР от 5 июня 1951 г. и направления дела в отношении Либермана и Кондратьева на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Волчинская и Поленова признаны виновными в том, что они, будучи работниками магазина № 1 Иркутского отделения Когиза, Поленова — заведующей отделом канцелярских товаров, а Волчинская — кассиром, по договоренности с Либерманом, работавшим начальником торгового отдела и заместителем управляющего Иркутского областного отделения Когиза, и с Кондратьевым, работавшим директором магазина № 1 того же Когиза, 15 декабря 1947 г. в целях сохранения денежных средств от уценки приняли в кассу магазина от Либермана 15 000 руб. и от Кондратьева 6000 руб., скрыв от учета товары на внесенную сумму.

После проведения денежной реформы Либерман и Кондратьев ежедневно получали из кассы магазина от Волчинской деньги нового образца за счет отдела канцтоваров до снятия полной суммы 21 000 руб. За оказанную услугу по сохранению денег от переоценки Либерман отдал Волчинской и Поленовой 1000 руб.

Кроме того, Волчинская признана

виновной в том, что в сентябре 1947 года совместно с осужденным по данному делу Новиковым, работавшим бухгалтером магазина, путем подделки подписей на ведомости об оплате за реализацию учебников присвоила 6914 руб.

Этим же приговором были осуждены: Либерман — по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. и Кондратьев — по совокупности ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 того же Указа от 4 июня 1947 г.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 25 мая 1950 г. приговор в части, касающейся Волчинской и Поленовой, был оставлен в силе, а в отношении Либермана и Кондратьева за нарушением ст. 44 УПК РСФСР, а также в отношении других проходящих по данному делу лиц был отменен с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

При новом рассмотрении дела приговором Иркутского областного суда от 8 мая 1951 г. Либерман и Кондратьев признаны виновными в том, что они по договоренности между собой, кассиром магазина № 1 Когиза Волчинской и заведующей канцотделом магазина Поленовой внесли в кассу магазина наличных денег старыми денежными знаками: Либерман — 15 000 руб., Кондратьев — 6000 руб., дав указание Поленовой отложить на 21 000 руб. канцелярских товаров, которые были скрыты от учета, а затем реализованы. Вырученные деньги от реализации указанного товара Либерман и Кондратьев через кассира Волчинскую получали из кассы, а вырубку по отделу Поленовой с согласия последней снижали от 500 руб. до 1000 руб. в течение полутора месяцев.

Кроме того, Кондратьев и Либерман признаны виновными в том, что, злоупотребляя своим служебным положением, не осуществляли надлежащего контроля за подотчетными лицами и не вели борьбы с расхитителями государственных

средств и не передавали материалы о них в следственные органы. Либерман не осуществлял надлежащего контроля за организацией торговли и подбором кадров, что он по долгу службы обязан был делать; допустил на должность заведующей отделом технической литературы магазина осужденную Плотникову, которая вследствие несоответствия своему назначению допустила недостачу ценностей на сумму 119 000 руб.

Либерман допустил незаконное получение его женой — Брик — 1560 руб. из средств Когиза за реализацию учебников, тогда как Брик никакой работы не проводила.

Кондратьев в сентябре 1947 года незаконно выплатил сотрудникам Когиза 5077 руб., в том числе лично получил 859 руб.; в августе 1947 года незаконно получил 740 руб. якобы за произведенную работу его сестрой, которая никакого отношения к Когизу не имела и никакой работы для Когиза не производила.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР определением от 5 июня 1951 г. приговор Иркутского областного суда от 8 мая 1951 г. в отношении Либермана и Кондратьева изменила: исключила из приговора ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а также снизила назначенную судом меру наказания по ст. 109 УК РСФСР по следующим мотивам:

а) Виновность Либермана и Кондратьева в том, что они 14—15 декабря 1947 г. внесли в кассу магазина 21 000 руб. и в последующем изъяли эту сумму в новых денежных знаках, подтверждается только объяснением ранее осужденных Волчинской и Поленовой, причем эти объяснения никаких объективных подтверждений не имеют и противоречивы; экспертиза по этому факту никаких выводов не сделала.

б) Мера наказания по ст. 109 УК РСФСР избрана судом без учета степени виновности каждого из них:

злоупотребления Либермана были лишены корыстных побуждений.

Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 5 июня 1951 г. в отношении Либермана и Кондратьева, а также от 25 мая 1950 г. в отношении Волчинской и Поленовой подлежат отмене по следующим основаниям:

1. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, отменяя определением от 5 июня 1951 г. приговор Иркутского областного суда от 8 мая 1951 г. в отношении Кондратьева и Либермана в части обвинения их по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г., допустила исключительную непоследовательность и вошла в противоречие с определением Судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 25 мая 1950 г., которым оставлен в силе приговор в отношении Волчинской и Поленовой.

Волчинская и Поленова признаны виновными по эпизоду внесения денег 14—15 декабря 1947 г. в целях сохранения их от переоценки в связи с денежной реформой, как соучастницы преступления, совершенного Либерманом и Кондратьевым. Приговором считается установленным, что Волчинская приняла деньги 21 000 руб. от Либермана и Кондратьева, а затем эту же сумму им выдала за счет выручки по отделу, которым заведовала Поленова. Поленова в свою очередь скрыла от учета товаров на 21 000 руб., а при последующей реализации по договоренности с осужденными уменьшала ежедневную выручку по отделу.

Поскольку Поленовой никаких иных обвинений не предъявлялось, то и осуждена она была как соучастница преступления Либермана и Кондратьева по ст. 17 УК РСФСР — ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г.

Таким образом, Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, признавая недоказанным предъявленное Либерману и Кондратьеву обвинение в части сокрытия от переоценки

21 000 руб. путем взноса в кассу магазина № 1 и последующего изъятия этой суммы за счет скрытого от переучета товара, ранее вынесенным определением признала доказанным виновность Волчинской и Поленовой в соучастии в сокрытии от переоценки 21 000 руб., внесенных в кассу магазина Либерманом и Кондратьевым.

При наличии такого противоречия определения Судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 25 мая 1950 г. и от 5 июня 1951 г. не могут быть оставлены в силе.

2. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, считая недоказанным виновность Либермана и Кондратьева в незаконной операции по обмену 21 000 руб. в период денежной реформы, в своем определении от 5 июня 1951 г. не привела обоснованных доводов, почему объяснения осужденных Поленовой и Волчинской по этому вопросу не могут служить достаточным доказательством виновности Либермана и Кондратьева.

Волчинская и Поленова при допросах на предварительном следствии и в судебных заседаниях по поводу взноса в кассу магазина 21 000 руб. Либерманом и Кондратьевым, а также о способах последующего изъятия этих денег давали одни и те же показания.

Ссылка Судебной коллегии Верховного суда РСФСР на наличие противоречий в объяснениях Волчинской и Поленовой не основательна. Судебная коллегия не привела доводов, по каким основаниям ею признано, что Поленова и Волчинская заинтересованы в оговоре Кондратьева и Либермана.

Утверждение Судебной коллегии Верховного суда РСФСР о том, что по этому вопросу судебно-бухгалтерская экспертиза не сделала никаких выводов, неосновательно. Из материалов дела видно, что судебно-бухгалтерская экспертиза, проанализировав ежедневную кассовую выручку каждого отдела магазина № 1, в том числе и отдела канце-

лярских принадлежностей, пришла к выводу, что «следует считать возможным факт внесения в кассу магазина денег до 15 декабря 1947 г. включительно с целью последующего изъятия этих денег через кассу магазина». Судебная коллегия Верховного суда РСФСР не дала оценки приложенным к акту экспертизы анализам ежедневной выручки по отделу канцтоваров, которые объективно подтверждают показания Волчинской и Поленовой.

3. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, считая недоказанным виновность Либермана и Кондратьева в части предъявленного им обвинения по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г., вместо отмены в этой части приговора в резолютивной части определения от 5 июня 1951 г. исключила обвинение, предъявленное Либерману и Кондратьеву по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. со ссылкой по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР, т. е. за отсутствием состава преступления, что противоречит описательной части определения.

4. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, придя к выводу о необходимости снижения меры наказания по ст. 109 УК РСФСР в отношении Либермана и Кондратьева, не указала, по каким основаниям считает, что судом мера наказания избрана без учета степени вины каждого. Материалами дела установлено, что в результате злоупотреблений служебным положением Кондратьевым незаконно были изъяты из кассы Когица в личное пользование денежные средства в сумме 1599 руб. и Либерманом через свою жену — 1560 руб. Эта часть обвинения Либермана и Кондратьева Судебной коллегией Верховного суда РСФСР не опровергнута, и поэтому ссылка, что «злоупотребления Либермана лишены корыстных побуждений» противоречит материалам дела и приговору.

Все указанные выше противоречия могут быть устранены при новом кассационном рассмотрении дела в отношении Волчинской, По-

леновой, Либермана и Кондратьева.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определения Судебных коллегий по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Волчин-

ской и Поленовой и в отношении Либермана и Кондратьева отменить и дело направить на новое рассмотрение в кассационном порядке в ту же Коллегию Верховного суда РСФСР с соблюдением требований ст. 409 УПК РСФСР.

4. СУДЫ, РАССМАТРИВАЯ КАССАЦИОННЫЕ ЖАЛОБЫ, ОБЯЗАНЫ СОПОСТАВЛЯТЬ СОДЕРЖАЩИЕСЯ В НИХ ДОВОДЫ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА

Дело Кикалейшвили и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 3 октября 1951 г.

Приговором Верховного суда Кабардинской АССР Кикалейшвили осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и по ч. 1 ст. 110 УК РСФСР.

Тем же приговором осуждены Кошкарев и Плотников по ст. 17 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор в отношении Кикалейшвили отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования для проверки правильности имеющихся в деле нарядов.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, в котором ставится вопрос об отмене определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР и направлении дела на новое рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе судей со стадии кассационного разбирательства, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

По приговору суда Кикалейшвили признан виновным в том, что он, будучи начальником Дженальского участка Малкинской геологоразведочной экспедиции, при содействии десятника Кошкарева и бухгалтера Плотникова путем составления фик-

тивных нарядов и платежных ведомостей присвоил 16 858 р. 82 к.

Кроме того, Кикалейшвили, превышая свои служебные полномочия, нанес удар своему подчиненному по службе рабочему Фидрикову.

Определение Верховного суда РСФСР в части отмены приговора и обращения дела к доследованию подлежит отмене по следующим основаниям:

Необоснованно утверждение Верховного суда РСФСР о том, что все обвинение Кикалейшвили построено исключительно на показаниях обвиняемых Кошкарева и Плотникова, заинтересованных в исходе дела, а потому необъективных.

Осужденные Кошкарев и Плотников на предварительном и судебном следствии показали, что Кикалейшвили, будучи начальником Дженальского участка Малкинской геологоразведочной экспедиции, дал распоряжение десятнику Кошкареву составить два фиктивных наряда, по которым бухгалтер участка Плотников начислил заработную плату по двум платежным ведомостям.

Этими фиктивными ведомостями Кикалейшвили отчитался перед бухгалтерией Малкинской геологоразведочной экспедиции за денежные средства, полученные им в подотчет.

О том, что наряды и платежные ведомости являлись фиктивными, свидетельствует то, что указанные в них работы не выполнялись, а перечисленные в наряде рабочие Дьяков, Воронкин, Севастьянов, Рудаков и другие на строительстве дороги за-

долго до составления нарядов не работали, так как они были уволены.

Росписи в платежных ведомостях от имени этих рабочих оказались подложными, что подтверждено выпиской из приказа по экспедиции, заключением графической экспертизы и показаниями рабочих Дьякова, Севастьянова, Воронкина, Рудакова и др.

Не вытекает из материалов дела и утверждение Верховного суда РСФСР о том, что Кикалейшвили мог утвердить наряды по халатности.

Во-первых, выполненные работы принимались комиссией под руководством самого Кикалейшвили и акт приемки подписывался лично им.

Проверка нарядов в плановом отделе экспедиции производилась только на предмет установления правильности применения норм и расценок, а остальные вопросы, связанные с оформлением нарядов, проверялись самим начальником участка, т. е. Кикалейшвили.

Во-вторых, фиктивные наряды № 16 и № 1022 утверждены Кикалейшвили, причем наряд № 1022 не только утвержден Кикалейшвили, но им же подписан табель и приняты выполненные по наряду работы.

Это обстоятельство подтверждает показания обвиняемого Кошкарёва, который заявил, что он выписал фиктивный наряд за май месяц под давлением Кикалейшвили, а остальное оформлял сам Кикалейшвили.

Платежная ведомость № 12 на выдачу зарплаты в сумме 9978 р. 27 к. и № 5 на сумму 6880 р. 65 к. к наряду № 1022 за май 1950 года подписаны лично Кикалейшвили без подписи бухгалтера Плотникова, который подписать эти ведомости как фиктивные отказался.

В-третьих, фиктивными ведомостями на выдачу зарплаты за № 12 и

№ 5 на сумму 16 858 р. 92 к. по авансовым отчетам Кикалейшвили отчитался за выданные ему в подотчет денежные средства, что подтверждается составлением лично Кикалейшвили авансового отчета, по которому проходит фиктивная ведомость № 5, и подписью авансового отчета № 8, составленного Плотниковым, куда вошла фиктивная ведомость № 12.

Для сокрытия факта присвоения денежных сумм Кикалейшвили посылал Кошкарёва в Пятигорск для отобрания фиктивного «подтверждения» от рабочих Севастьянова и других, что подтверждается показаниями Кошкарёва.

Таким образом следует прийти к заключению, что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР согласилась с доводами кассационной жалобы Кикалейшвили, которые находятся в противоречии с материалами дела, чем нарушила постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке», которое требует от судов глубокого изучения жалоб, тщательного анализа материалов дела и сопоставления их с доводами жалоб.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 66 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, Судебная коллегия определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 20 июля 1951 г. в отношении Кикалейшвили отменить и дело вернуть на новое рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе судей, с соблюдением ст. 409 УПК РСФСР.

5. НЕОБОСНОВАННОЕ ОСУЖДЕНИЕ ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА В ИХ СОВОКУПНОСТИ

Дело Бычкова. Определение Железнодорожной коллегии от 17 октября 1951 г.

Приговором линейного суда Московско-Казанской ж. д., оставленным в силе определением окружно-

го суда железнодородного транспорта Центрального округа, Бычков осужден по ст. 2 Указа Прези-

диума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Бычков признан виновным в том, что, будучи заведующим хозяйством школы № 28 ст. Льгов Московско-Киевской ж. д., он по сговору с директором этой же школы, осужденным по настоящему делу Бортко, обратил в свою пользу 450 руб., полученные по фиктивному счету, выписанному от имени литейно-механического завода МПС за перевозку угля для школы.

Кроме того, Бычков признан виновным в оформлении фиктивной выплатной ведомости на имя преподавателя школы Швейгер 520 руб., полученных им от Бортко за проданную последнему свинью, принадлежавшую лично Бычкову.

Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором поставил вопрос об отмене приговора линейного суда и определения окружного суда и о прекращении дела за необоснованностью осуждения Быčkova.

Рассмотрев дело, Железнодорожная коллегия установила:

Из показаний Быčkova видно, что для уплаты линейно-механическому заводу МПС за перевозку для школы угля он под расписку выдал Бортко из своих подотчетных сумм 450 руб. После того, как Бортко передал ему надлежаще оформленный счет, он вернул ему расписку.

Отрицая участие в присвоении 450 руб., Бычков утверждал, что он не знал о фиктивности счета, поскольку уголь действительно перевозился для школы на автомашине завода.

Показания Быčkova ничем не опровергнуты и находят подтверждение в материалах дела.

Допрошенные в судебном заседании свидетели Иванов — главный инженер литейно-механического завода и Чемоданов — главный бухгалтер этого же завода показали, что по поводу предоставления авто-

машины для перевозки школе угля договаривался лично Бортко. Автомашина была предоставлена для этой цели бесплатно и что они Быčkova не знают.

Показаниями самого Бортко установлено, что последний неоднократно брал у Быčkova из его подотчетных сумм деньги на хозяйственные нужды школы.

Из показаний бухгалтера школы свидетеля Злобиной, возражавшей против принятия указанного счета, видно, что Бортко настойчиво добивался принятия бухгалтерией этого счета вплоть до применения угроз об увольнении ее с работы, если счет не будет принят.

Не доказано также обвинение Быčkova в том, что он фиктивным документом оформил полученные с Бортко 520 руб. за проданную ему свинью.

Свидетель Швейгер показал, что, уговаривая его расписаться в ведомости о получении зарплаты якобы за ведение кружковой работы, Бортко сказал ему, что эти деньги пойдут на ремонт школьной мебели. В его присутствии Бортко дал распоряжение секретарю Абросимовой о передаче этих денег Бычкову.

Допрошенная на суде свидетельница Абросимова подтвердила показания Швейгер и показала, что, передавая Бычкову деньги в сумме 520 руб., она сказала последнему, что директор школы скажет ему, на что надо эти деньги использовать.

Из показаний названных свидетелей видно, что похищенные Бортко путем составления фиктивной платежной ведомости деньги в сумме 520 руб. были обращены им в погашение личного долга Бычкову за купленную у него свинью.

Свидетель Шумилова бухгалтер-ревизор показала, что о преступных действиях Бортко сообщил ей Бычков и тем самым помог при ревизии вскрыть злоупотребления и хищения Бортко.

Приведенные выше обстоятельства не были учтены судом при оценке им доказательств по делу.

Соглашаясь с протестом, Железнодорожная коллегия определила:

Приговор линейного суда Московско-Киевской ж. д. и определение окружного суда Центрального окру-

га в отношении Бычкова отменить и дело о нем в уголовном порядке производством прекратить за недоказанностью предъявленного обвинения.

6. ПРИЗНАНИЕ ОБВИНЯЕМОГО, КАК И ВСЕ ДРУГИЕ ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ТРЕБУЮТ ПРОВЕРКИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ И СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Дело Сыроегина. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 21 ноября 1951 г.

Приговором народного суда 1-го участка Семеновского района, Горьковской области, Сыроегин осужден по ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Горьковского областного суда приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения и прекращении дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Народный суд признал виновным Сыроегина — члена колхоза имени Молотова в том, что он, работая кононом на колхозном току, похитил с тока один мешок ржи весом 72 кг.

Сыроегин виновным себя в хищении при рассмотрении дела в суде не признал. Народный суд в обоснование доказанности обвинения Сыроегина сослался в своем приговоре на тождественность изъятой у Сыроегина ржи с колхозной рожью и на признание Сыроегиным своей вины в хищении одного мешка ржи на предварительном следствии.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР находит, что обвинение Сыроегина в хищении не доказано.

Как видно из материалов дела, самого факта хищения мешка ржи

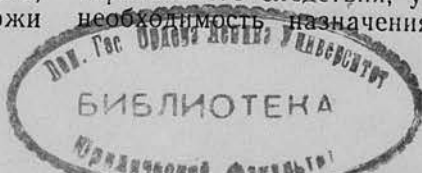
не установлено. Дело же по обвинению Сыроегина в хищении мешка ржи возникло в связи с тем, что он был задержан с мешком ржи председателем колхоза имени Молотова при выезде из деревни Плюхино, где он проживал. Сыроегин в это время работал кононом на колхозном току, поэтому и был заподозрен в хищении этого мешка ржи и привлечен к уголовной ответственности.

Ссылка народного суда в приговоре на тождественность изъятой ржи у Сыроегина с рожью, находившейся в колхозном складе, является необоснованной.

Лабораторный анализ образцов колхозной ржи и отобранной ржи у Сыроегина, между тем, не показал тождественности представленных образцов ржи. В первом образце отходов — 11,24%, во втором — 17,46%, сорняков в первом — 200 штук, во втором — 760 штук, в первом такие сорняки, как тысячелистник, василек и щавель отсутствуют, во втором — имеются.

Производя анализ образцов ржи, органы предварительного следствия не произвели экспертизы тождественности ржи на основании результатов анализа. Это обстоятельство и послужило одним из оснований к отмене первого приговора по делу Сыроегина. Судебная коллегия по уголовным делам Горьковского областного суда, отменив первый приговор по делу Сыроегина и направив дело по обвинению его на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, указала на необходимость назначения экспер-

р-114/1-52

тизы. Однако произвести экспертизу не представилось возможным, так как образцы ржи, подвергавшиеся анализу, не были сохранены.

Анализ же образцов ржи, произведенный после отмены первого приговора по делу Сыроегина, признать правильным нельзя потому, что образцы ржи для этого анализа, как об этом свидетельствует протокол выемки, были взяты из колхозного склада после того уже, как изъятая у Сыроегина рожь была сдана в колхозный склад и обезличена.

Также нельзя признать обоснованной и ссылку народного суда на показания Сыроегина на предварительном следствии, от которых он на суде отказался, как на доказательство предъявленного ему обвинения в хищении одного мешка ржи с колхозного тока, поскольку суд не проверил пояснений Сыроегина о причинах изменения им показаний.

В советском уголовном процессе признание обвиняемым своей вины рассматривается как одно из доказательств наряду с другими. Признание обвиняемым своей виновности в инкриминируемом преступлении может быть положено в основу обвинения лишь тогда, когда оно подтверждено обстоятельствами дела и не вызывает сомнений в своей правильности.

Данное же Сыроегиным показание на предварительном следствии о хищении им одного мешка ржи с колхозного тока не нашло подтверждения при рассмотрении дела.

В судебном заседании Сыроегин, категорически отрицая предъявленное ему обвинение в хищении одного мешка ржи с колхозного тока, показал, что его родственник — Торопов попросил его отвезти гражданке Козловой мешок ржи. Он согласился выполнить просьбу Торопова и привез мешок ржи от него к себе домой, а когда решил отвезти эту рожь гражданке Козловой, он и был задержан при выезде из деревни Плюхино. При этом Сыроегин заявил, что на предварительном

следствии он дал показания о хищении им одного мешка ржи с колхозного тока неправильно.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Торопов показал, что он был должен гражданке Козловой 250 руб. и, получив в колхозе рожь, попросил своего племянника Сыроегина отвезти эту рожь гражданке Козловой, на что тот и дал согласие.

Свидетель Козлова, подтверждая в судебном заседании показание свидетеля Торопова о том, что она заимообразно давала ему деньги для уплаты налога и согласилась в счет этих денег взять у него рожь, показала, что, когда она узнала о том, что посланная Тороповым ей с Сыроегиным рожь задержана председателем колхоза Поповым, она пошла к нему и заявила, что отобранная у Сыроегина рожь принадлежит лично ей, а не Сыроегину.

Председатель колхоза Попов показал, что после того, как он задержал Сыроегина с мешком ржи, к нему пришла гражданка Козлова и заявила, что отобранная у Сыроегина рожь принадлежит лично ей.

Таким образом, заявление Сыроегина о том, что отобранная у него председателем колхоза рожь при выезде его из деревни Плюхино принадлежала гражданке Козловой, нашло подтверждение в судебном заседании. Каких-либо данных о хищении Сыроегиным одного мешка ржи с колхозного тока в сентябре 1950 года в деле не имеется и осужден он необоснованно.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Семеновского района, Горьковской области, и определение Судебной коллегии по уголовным делам Горьковского областного суда по делу Сыроегина отменить и дело по обвинению его в уголовном порядке производством прекратить за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

7. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВСЛЕДСТВИЕ НЕОБОСНОВАННОГО ИЗМЕНЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И НЕПОЛНОТЫ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

*Дело Мальцева и других.
Определение Железнодорожной коллегии
от 29 сентября 1951 г.*

Приговором окружного суда железнодорожного транспорта Юго-Западного округа осуждены: Мальцев по ст. 97 УК УССР (ст. 109 УК РСФСР); Курченко по ст. 97 и ч. 1 ст. 108 УК УССР (ст. 109 и ч. 1 ст. 116 УК РСФСР) и Пилипенко по ст. ст. 99, 97 и ч. 1 ст. 108 УК УССР (ст. ст. 111, 109 и ч. 1 ст. 116 УК РСФСР).

Осужденные признаны виновными в том, что Мальцев, работая начальником Станиславского отделения Львовской дороги, а Курченко начальником сектора материально-технического снабжения отделения, по предварительному сговору между собой, под видом удовлетворения нужд дороги, незаконно получили в разных местных организациях четыре вагона лесоматериала, в том числе два четырехосных вагона строительного леса за счет фондов дороги.

Весь этот лес Курченко в вагонах, незаконно предоставленных Мальцевым, отправил в адрес колхоза имени Мичурина, председателем которого был брат осужденного Курченко Василий. Два вагона строительного леса, полученного за счет фондов дороги, были отправлены колхозу по фиктивным документам при участии осужденного Пилипенко, бывшего начальника материально-технического склада ст. Станислав, который стоимость леса оплатил леспромхозу за счет выставленного колхозом аккредитива и эту операцию по документам не отразил, так как знал, что строительный лес фондовый.

Осужденный Мальцев таким же путем незаконно получил еще два вагона леса, которые отправил своим родственникам. Кроме того, Мальцев признан виновным в том, что, злоупотребляя своим служебным положением, из мебели, полученной для отделения дороги, он

взял в личное пользование диван, стол, шкаф, вешалку, два кресла и шесть стульев, стоимость которых в сумме 2000 руб. уплатил только после возбуждения настоящего дела. В октябре 1950 года Мальцев незаконно выплатил начальнику вокзала ст. Станислав Кочубею 7579 руб. премиальных за 1950 год, тогда как премиальный фонд за этот год составлял всего 1467 руб.

Курченко признан также виновным в том, что, получив от своего брата—председателя колхоза имени Мичурина—деньги для оплаты отгруженного колхозу леса, часть денег в сумме 6962 руб. временно, в порядке личного позаимствования, израсходовал на личные нужды. Пилипенко признан виновным также в том, что проявил халатность к хранению 300 руб., которые им были получены за кислород, отпущенный шахтоуправлению. В результате деньги неизвестно кем были похищены у него из ящика служебного стола, где он их хранил.

На приговор окружного суда принесен прокурором Юго-Западного округа протест, в котором он просит об отмене приговора в связи с тем, что окружной суд без оснований освободил Курченко от ответственности по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» за хищение 6926 руб., в чем он признавал себя виновным в стадии предварительного следствия. Неосновательно переквалифицированы действия Пилипенко со ст. 1 названного Указа от 4 июня 1947 г. на ст. 99 УК УССР, так как он также признавал себя виновным в хищении 300 руб. Прокурор в протесте утверждает, что окружной суд без достаточных оснований не применил в отношении

Мальцева и Курченко ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия»¹, так как доказано, что они отправляли колхозу лес из фондов дороги.

Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР установила:

Окружной суд признал доказанным, что Мальцев, Курченко при содействии Пилипенко путем обмана получили и отправили колхозу имени Мичурина два четырехосных вагона строительного леса за счет фондов отделения дороги. Однако, сославшись на то, что Мальцев и Курченко выполняли роль посредников в незаконном приобретении леса, окружной суд переквалифицировал их действия со ст. 2 Указа от 10 февраля 1941 г. на ст. 97 УК УССР.

Окружной суд, не проверив всех материалов дела, неосновательно признал недоказанным обвинение Курченко в хищении 6926 руб.

Осужденный Курченко признавал

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» 1941 г. № 8.

себя виновным в хищении 6926 руб., а в судебном заседании безмотивно изменил свои показания, заявив, что эту сумму ему дал его брат заимообразно.

Окружной суд, не проверив этих объяснений осужденного и не вызвав даже в судебное заседание его брата Курченко Василия, признал установленным только то, что Курченко Андрей позаимствовал деньги с намерением возвратить их колхозу.

В отношении Пилипенко суд без достаточных оснований изменил квалификацию его действий со ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. на ст. 99 УК УССР, хотя он сам признавал себя виновным в хищении 300 руб. Его последующие показания о том, что их кто-то похитил из стола, ничем не подтверждены.

Соглашаясь с протестом, Железнодорожная коллегия определила:

Протест прокурора Юго-Западного округа удовлетворить. Приговор окружного суда железнодородного транспорта Юго-Западного округа в отношении Мальцева, Курченко и Пилипенко отменить, а дело о них направить на новое рассмотрение в тот же окружной суд в ином составе со стадии судебного разбирательства.

8. ДЕЛО В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ ПРЕКРАЩЕНО, ТАК КАК В ДЕЙСТВИЯХ ОБВИНЯЕМОГО СОДЕРЖАТСЯ ЛИШЬ ПРИЗНАКИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА

Дело Тинашвили. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 17 октября 1951 г.

По приговору народного суда 1-го участка Молотовского района г. Тбилиси Тинашвили осужден по ст. 114 УК Грузинской ССР (злоупотребление служебным положением).

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР приговор оставлен в силе.

Тинашвили признан виновным в том, что, работая водителем автомашины артели «Сарцао Комбинати», он без разрешения руководства перевез за плату пшеницу колхозни-

кам села Лило из Цителицкаройского района.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, которым предлагается переквалифицировать преступление Тинашвили со ст. 114 на ст. 103² УК Грузинской ССР, Коллегия нашла, что приговор и определение подлежат отмене по следующим основаниям:

Тинашвили не является должностным лицом, а поэтому ст. 114 УК к нему применена необоснованно.

Однако протест в части переквалификации действия Тинашвили со

ст. 114 на ст. 103² УК не подлежит удовлетворению.

Как на предварительном следствии, так и на суде Тинашвили показал, что перевезти пшеницу колхозникам его попросил председатель колхоза Тагишвили, живущий с ним по соседству, что он перевез пшеницу, не договариваясь с кем-либо о вознаграждении, и не получил денег за перевозку.

Эти показания Тинашвили подтвердили как председатель колхоза Тагишвили, так и ряд колхозников.

Никаких доказательств, подтверждающих, что Тинашвили действовал из корыстных побуждений, в деле не имеется. Согласно же постановлению Пленума Верховного суда СССР от 9 февраля 1951 г. № 2/6/у «Об усилении ответственности шоферов за незаконное использование в корыстных целях вверенных им по службе автомашин» по ст. 75¹ УК РСФСР и соответствующей ей

ст. 103² УК Грузинской ССР должны быть квалифицированы действия шоферов, перевозящих пассажиров или груз на вверенных им по службе автомашинах с целью извлечения материальной выгоды.

Поэтому действия Тинашвили, который не преследовал корыстных целей, не могут быть квалифицированы по ст. 103² и согласно упомянутому постановлению Пленума должны рассматриваться как проступок, влекущий лишь дисциплинарную ответственность.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 1-го участка Молотовского района г. Тбилиси и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Тинашвили отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

9. ОТМЕНА КАССАЦИОННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК НЕ ОСНОВАННОГО НА МАТЕРИАЛАХ ДЕЛА

Дело Охотина. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 14 ноября 1951 г.

По приговору Верховного суда Марийской АССР Охотин осужден по ст. 109 УК РСФСР со взысканием в пользу колхоза «Увер» 19 212 руб.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор отменен и дело производством в отношении Охотина прекращено. Колхозу предоставлено право взыскивать с Охотина нанесенный ущерб в общеисковом порядке.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене определения Верховного суда РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Охотин признан виновным в том, что, будучи председателем правления колхоза «Увер», вопреки запрещению всем государственным, коопе-

ративным и общественным организациям приобретать у частных лиц промтовары и материалы за наличный расчет, купил в г. Москве у частных лиц две автомашины — одну автомашину купил у гр-на Дрожникова за 5000 руб. иностранной марки «Опель-Блиц», а вторую машину марки «Боргвард», по соглашению с бригадой слесарей треста «Центростанкостроя», собрал из разных частей, приобретенных через тех же слесарей из утиля. Кроме указанных машин, Охотиным для колхоза «Увер» была куплена на заводе «Стройдеталь» пилорама типа «Коммунальник» за 19 700 руб. Для приобретения автомашины и пилорамы Охотин в нарушение финансовой дисциплины израсходовал из фондов капиталовложения колхоза 13 000 руб. и позаимствовал у других колхозов 27 000 руб. При закупке

автомашин, их ремонте и транспортировке в колхоз Охотин допустил бесхозяйственность, в результате которой колхозу причинил крупный материальный ущерб. Автомашин были отремонтированы негодными запасными частями, взятыми из утиля, в силу чего, не доехав до колхоза, примерно, 30 км, обе машины вышли из строя.

Определение Верховного суда РСФСР подлежит отмене, а дело обращению на новое кассационное рассмотрение по следующим основаниям:

Верховный суд РСФСР, прекращая дело в отношении Охотина, признал, что в действиях последнего нет состава преступления по тем соображениям, что Охотин при покупке автомашин и пилорамы руководствовался постановлением правления колхоза, что закупленные им автомашины были доставлены в колхоз в исправности и что Охотин при покупке автомашин и пилорамы действовал бескорыстно.

Доводы Коллегии неосновательны и противоречат материалам дела.

Верховный суд РСФСР пришел к выводу об отсутствии в действиях Охотина состава преступления, хотя сам Охотин не отрицал, что он знал о запрещении приобретать автомашины у частных лиц за наличный расчет.

В определении указывается, что Охотин руководствовался постановлением правления колхоза. Между тем из имеющихся в деле материалов видно, что правление уполномочило Охотина приобрести одну автомашину ценой не свыше 25 000 руб. и обязательно отечественного производства.

Охотин вышел за пределы предоставленных ему полномочий и приобрел две автомашины за 35 000 руб. Исходя из этих соображений, правление колхоза не утвердило расходы, произведенные Охотиным.

Верховный суд РСФСР указал, что приобретенные Охотиным автомашины были исправными, при этом сослался на имеющуюся в деле

справку государственной автоинспекции. Ссылка Верховного суда РСФСР на этот документ лишена оснований. Этот документ представляет собой лишь распоряжение начальника Госавтоинспекции Марийской АССР пропустить машину марки «Боргвард» до 45-го километра Серпурского тракта. Показаниями же автоинспектора Жукова, инженера Витмера, свидетелей Галихина, Федорова, Сафронова, Дигина и др. установлено, что обе машины, приобретенные Охотиным, ценности не имели. По причине технической негодности к месту назначения, т. е. в колхоз, автомашины своим ходом не прибыли, до деревни их тащили на буксире. Ввиду полной непригодности машин к эксплуатации они и не были приняты колхозом. Следовательно, утверждение Коллегии о годности машин не соответствует действительности. После того как колхоз отказался принять автомашины по изложенным выше мотивам, Охотин продал пилораму за 36 856 руб. другому колхозу и деньги внес в кассу колхоза «Увер», а на остальную сумму нанесенного ущерба колхозу дал обязательство о добровольной уплате.

Утверждая, что Охотин не имел личной корыстной заинтересованности, приобретая автомашины незаконным путем, Коллегия Верховного суда РСФСР не дала оценки в своем определении следующим данным, имеющимся в материалах дела:

Охотин в оправдание произведенных им расходов утверждал, что он перевез пилораму на железнодорожной платформе и уплатил за это 1650 руб. Документа на этот счет Охотин не представил, ссылаясь на то, что якобы он его утерял. Между тем допрошенный по настоящему делу шофер Галихин показал, что пилорама была доставлена из Москвы не по железной дороге, а на купленной Охотиным автомашине. Об этом же свидетельствует упомянутое выше разрешение, выданное начальником Госавтоинспекции Ма-

рийской АССР, в котором указывается, что грузовик «Боргвард» идет с груженой машиной.

Из материалов дела видно, что Охотин, давая отчет о произведенных им расходах, указал, что 4000 руб. он дал некоему гражданину Матяш за оформление наряда на пилораму. Однако на очной ставке с гр-ном Матяш Охотин вынужден был признать, что никаких денег он ему не давал.

Охотин в своих объяснениях указал, что он израсходовал 750 руб. на покупку приводного ремня и гужей. Однако документов, подтверждающих это обстоятельство, в деле нет.

Далее Охотин указал, что он на погрузку пилорамы израсходовал 5000 руб., но документов также не представил.

Охотин заявил, что он израсходовал 1800 руб. на оплату стоянки для приобретенной им автомашины в гараже. Однако заведующий гаражом, на которого ссылается Охотин, Горемыкин этого не подтвердил.

В силу изложенного определение Верховного суда РСФСР нельзя признать обоснованным. На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменить, дело в отношении Охотина вернуть на новое рассмотрение в ту же Коллегию, но в ином составе.

10. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, КАК ВЫНЕСЕННЫЙ С НАРУШЕНИЕМ ст. 334 УПК РСФСР И БЕЗ ИССЛЕДОВАНИЯ РЯДА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ

Дело Рыжова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 17 октября 1951 г.

По приговору народного суда 3-го участка Свердловского района г. Москвы Рыжов был осужден по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

Московский городской суд приговора суда оставил в силе.

Верховный суд РСФСР отклонил протест Председателя Верховного суда РСФСР, в котором ставился вопрос об отмене приговора.

Рыжов, работавший бригадиром столяров в комбинате «Союзпищепромреклама», признан виновным в том, что за время с января по июнь 1950 года систематически вымогал у рабочих своей бригады взятки, получив всего с них 1850 руб.

Рабочие Фролов и Бобров отказались дать взятку Рыжову, в связи с чем они были переведены на низкооплачиваемую работу.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР нашла, что приговор, а равно и последующие опре-

деления подлежат отмене по следующим основаниям:

В материалах дела по обвинению Рыжова о вымогательстве взяток имеются противоречивые данные.

Так, Фролов, Зотов, Родионов и Хрулев изобличали Рыжова в вымогательстве взяток. Однако рабочие Назаров, Петрунин, Русаков и другие заявили, что, работая в бригаде Рыжова, они взяток ему не давали и не слышали, чтобы Рыжов вымогал взятки от кого-либо из рабочих.

Основной свидетель обвинения Родионов, по заявлению которого было возбуждено уголовное дело против Рыжова, в народном суде был изобличен в лжесвидетельстве, и суд вынес определение о привлечении его к ответственности по ст. 95 УК РСФСР.

Свидетели Зотов, Хрулев и другие дают неконкретные показания касательно времени, размера и места дачи взяток.

Народный суд назвал общую сумму, полученную Рыжовым от рабочих, но, вопреки ст. 334 УПК РСФСР, не указал, от кого и сколько было получено Рыжовым денег, когда и где рабочие платили Рыжову деньги. Кроме того, из показаний рабочих видно, что Рыжов никаких административных прав не имел. При таких условиях необходимо установить, за что же рабочие давали Рыжову взятки, если они имели место в действительности, и мог ли Рыжов влиять на назначение рабочих на более выгодные участки работы. Не исследовав этих обстоятельств и не проверив всех условий работы Рыжова, органы следствия допустили пробелы в проверке предъявленного обвинения Рыжову,

что лишает возможности правильно разрешить дело по существу.

Находя дело не расследованным с достаточной полнотой, а приговор не содержащим необходимого обоснования и не соответствующим требованиям постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда 3-го участка Свердловского района г. Москвы, определение Московского городского суда и определение Верховного суда РСФСР отменить и дело по обвинению Рыжова передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

11. ОТМЕНА ПРИГОВОРА И ОПРЕДЕЛЕНИЯ, КАК ОСНОВАННЫХ НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ МАТЕРИАЛАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО И СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Дело Селезнева и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 14 ноября 1951 г.

По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда Селезнев, Опекунов и Егорычев осуждены по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и Фомин по ст. 17 УК РСФСР и ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения по делу Селезнева, Опекунова, Егорычева и Фомина и направлении дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Судебная коллегия

по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Селезнев, Опекунов и Егорычев признаны виновными в том, что на дороге между деревней Мильцево и селом Новые Талицы, Ивановского района, Ивановской области, с целью ограбления совершили разбойное нападение на подростка Струнникова, шедшего по дороге, и нанесли ему ножевые раны, от которых он вскоре, не приходя в сознание, умер.

Фомин признан виновным в том, что он, зная о совершенном Селезневым, Опекуновым и Егорычевым разбойном нападении на подростка Струнникова, принял от них для реализации добытые ими путем грабежа велосипед и платье и вырученные деньги от продажи велосипеда и платья отдал им.

Селезнев, Опекунов и Егорычев в судебном заседании виновными себя в разбойном нападении на Струнникова не признали. Не при-

знал виновным себя в совершении инкриминируемого ему преступления и Фомин.

Судебная коллегия по уголовным делам Ивановского областного суда в обоснование обвинения Селезнева, Опекунова и Егорычева ссылается в своем приговоре на показания, данные ими на предварительном следствии, в которых они признали виновными себя в нападении на Струнникова и убийстве его, на показания свидетелей Хорева Виктора, Петухова и Малютина, избличавших на предварительном следствии Селезнева, Опекунова и Егорычева в нападении на Струнникова, и на показания свидетеля Панфилова Анатолия, избличавшего их как на предварительном следствии, так и в судебном заседании.

Как видно из протоколов допроса Селезнева, Опекунова и Егорычева на предварительном следствии, они виновными себя в нападении на Струнникова признали. В судебном заседании Селезнев, Опекунов и Егорычев отказались от данных ими показаний на предварительном следствии, заявив, что о нападении на Струнникова им ничего не известно, а показания на предварительном следствии о нападении на Струнникова они дали неправильные по настоянию следователя.

Допрошенные на предварительном следствии свидетели Хорев Виктор, Петухов и Малютин показали, что они являлись очевидцами нападения Селезнева, Опекунова и Егорычева на Струнникова. В судебном заседании свидетели Хорев Виктор, Петухов и Малютин также отказались от данных ими показаний на предварительном следствии.

Судебная коллегия по уголовным делам Ивановского областного суда указывает в своем приговоре, что отказ подсудимых Селезнева, Опекунова и Егорычева и свидетелей Хорева Виктора, Петухова и Малютина от показаний, данных ими на предварительном следствии, и их заявление о нарушении следовате-

лем ст. 111 УПК РСФСР в процессе расследования не заслуживают доверия.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, что имеющиеся в деле данные не дают оснований признать доводы Ивановского областного суда убедительными, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР находит, что приговор и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене вследствие противоречий, с одной стороны, между материалами предварительного следствия и судебного заседания и, с другой стороны, между самими материалами предварительного следствия.

Так, в обвинительном заключении указано, что группа подростков, в составе которой были Селезнев, Опекунов, Егорычев, Хорев Виктор, Хорев Валерий, Панфилов, Петухов и Малютин и другие, пошла в лес собирать ягоды, в лесу на дороге между деревней Мильцево и селом Новые Талицы Селезнев, Опекунов и Егорычев, шедшие впереди группы подростков, встретили подростка Струнникова. Селезнев первый напал на него и, угрожая ему ножом, стал отбирать у него велосипед, и когда Струнников оказал ему сопротивление, ударил его ножом, а Опекунов и Егорычев сбили Струнникова с ног и стали наносить ему удары имевшимися у них ножами.

Протоколы же допросов как подсудимых, так и свидетелей содержат в себе иные данные о нападении на Струнникова.

Из протокола очной ставки Опекунова с Хоревым Виктором видно, что непосредственное участие в нападении на Струнникова принимали, кроме него, еще Селезнев, Егорычев и Хорев Виктор и что при этом присутствовал Малютин. Из протокола же очной ставки Опекунова с Егорычевым видно, что непосредственными участниками нападения на Струнникова являлись он, Селезнев, Егорычев и Хорев Виталий.

Из протокола допроса Хорева Виктора в качестве свидетеля по делу видно, что и он признал виновным себя в непосредственном нападении на Струнникова и убийстве его.

Из протокола очной ставки между Егорычевым и Малютиным видно, что Малютин также признал виновным себя в непосредственном нападении на Струнникова и убийстве его.

Однако ни Хорев Виктор, ни Малютин не были привлечены к уголовной ответственности по настоящему делу, хотя они, как и Селезнев, Опекунов и Егорычев, признали полностью свою вину на предварительном следствии в нападении на Струнникова.

Протоколы допросов свидетеля Панфилова Анатолия также содержат в себе, как и протоколы допросов остальных, резкие противоречия и разное описание нападения на Струнникова и убийства его, а также и разные фамилии участников нападения. Из первоначальных записей в протоколе допроса свидетеля Панфилова видно, что он самого факта нападения на Струнникова и убийства его не видел, а из последующих записей в этом протоколе допроса свидетеля Панфилова видно, что он был очевидцем как нападения на Струнникова, так и убийства его.

В судебном заседании свидетель Панфилов Федор — отец Панфилова Анатолия — показал, что его сын на следующий день после допроса органами предварительного следствия признался ему, что он при допросе его давал ложные показания о виновности Селезнева, Опекунова и Егорычева в нападении на Струнникова и убийстве его.

Вместе с тем из материалов дела усматриваются серьезные пробелы, допущенные в стадии предварительного следствия. Так, свидетель Трунов при допросе его на предварительном следствии на второй день после убийства Струнникова пока-

зал, что непосредственно после убийства Струнникова он видел на опушке леса, где был убит Струнников, трех мужчин, один из которых вел велосипед. Эти показания свидетеля Трунова не были исследованы органами предварительного следствия.

В деле имеется протокол изъятия у гражданина Ботина плаща со следами крови. В деле имеется и заключение экспертизы, установившей, что на плаще Ботина были следы человеческой крови. Однако дальнейшие мероприятия для выяснения происхождения этих пятен крови не были предприняты органами предварительного следствия.

Обвинение Фомина в том, что он принял для реализации велосипед и платье, добытые путем разбойного нападения на Струнникова, как и обвинение Селезнева, Опекунова и Егорычева, основано на материалах предварительного следствия, не нашедших своего подтверждения в судебном заседании.

Считая протест Председателя Верховного суда СССР о направлении дела по обвинению Селезнева, Опекунова, Егорычева и Фомина на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для проверки материалов обвинения их в совершении инкриминируемого им преступления правильным, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Селезнева, Опекунова, Егорычева и Фомина отменить и дело по обвинению их направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Вместе с тем Судебная коллегия вынесла по настоящему делу частное определение, которым доведено до сведения Генерального Прокурора СССР о процессуальных нарушениях, допущенных при расследовании дела.

12. НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЛИЦА, ДЕЙСТВИЯ КОТОРОГО НЕ НАХОДЯТСЯ В ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ С ПРОИСШЕДШЕЙ АВАРИЕЙ СУДОВ

Дело Антонова и других.

Определение Водно-транспортной коллегии от 9 июня 1951 г.

Приговором линейного суда Мурманского бассейна Антонов был осужден по ч. 1 ст. 59^{3а} УК РСФСР.

Антонов судом признан виновным в том, что он, будучи третьим помощником капитана парохода «Карамзин», нарушил труддисциплину на водном транспорте: находясь совместно с капитаном на вахте при проведении ходовых испытаний парохода, обнаружив встречное судно (мотобот), Антонов не вызвал в рубку капитана парохода, находившегося в штурманской рубке и производившего вычисления; приняв решение произвести расхождение со встречным судном и отклонившись судном вправо, Антонов не дал об этом сигнала, в результате чего, по мнению линейного суда, и произошло столкновение судов.

В жалобе осужденный Антонов просит об отмене приговора, ссылаясь на то, что в столкновении судов он не виновен, поскольку все необходимые меры им были приняты и никаких других мер капитан судна, если бы его и вызвали на капитанский мостик, не мог бы принять.

Рассмотрев дело, Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР определением своим приговор отменила и дело производством прекратила по следующим основаниям:

Нарушение Антоновым пп. «ж» и «м» ст. 183 Устава службы на судах морфлота СССР, выразившееся в невызове капитана на мостик парохода, не находится в причинной свя-

зи с аварией. Установлено, что авария произошла в результате грубого нарушения трудовой дисциплины старшим штурманом встречного судна Бабковым, который осужден по этому же делу. Бабков при встрече судов и их расхождении действовал неправильно: вместо того, чтобы принять вправо и разойтись левыми бортами судов, принял влево, в результате чего произошло столкновение судов.

Заключением судоводительской экспертизы подтверждено, что Антонов принял все зависящие от него меры к безопасному расхождению судов и действия его были правильными.

При таких обстоятельствах в действиях Антонова отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 59^{3а} УК РСФСР. Допущенное же Антоновым формальное нарушение пп. «ж» и «м» ст. 183 Устава службы на судах морфлота СССР, как не находящееся в причинной связи с аварией, представляет собою служебный проступок, за допущение которого Антонов может нести только лишь дисциплинарную, а не уголовную ответственность.

По изложенным основаниям Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР определила:

Приговор линейного суда Мурманского бассейна в отношении Антонова отменить и дело о нем дальнейшим производством в уголовном порядке прекратить.

13. ОСУЖДЕНИЕ ЗА НЕОСТОРОЖНОЕ УБИЙСТВО ПРИ ОТСУТСТВИИ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ

Дело Помаленького. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 27 июня 1951 г.

Приговором народного суда 3-го участка г. Акмолинска от 14 июля 1950 г. Помаленький осужден по ст. 139 УК РСФСР.

Акмолинский областной суд 17 ав-

густа 1950 г. преступление Помаленького переквалифицировал на ч. 1 ст. 145 УК РСФСР.

Верховный суд Казахской ССР 7 октября 1950 г. определение Акмо-

линского областного суда отменил ввиду необоснованности переквалификации преступления и дело передал на новое рассмотрение в кассационном порядке.

Акмолинский областной суд 14 ноября 1950 г., вторично рассматривая дело в кассационном порядке, приговор в части квалификации преступления оставил в силе, снизив осужденному назначенное по ст. 139 УК РСФСР наказание.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Помаленький признан виновным в том, что он 1 мая 1950 г., проезжая на подводе по одной из улиц г. Акмолинска, сделал крутой поворот и наехал на играющую на дороге девочку Кадырсызову Сакен, 1945 года рождения, которая при этом получила повреждения в область головы. Кадырсызова была доставлена в больницу, где 18 мая 1950 г. скончалась.

Судебно-медицинская экспертиза после вскрытия трупа девочки дала заключение, что «смерть Кадырсызовой наступила от гнойного воспаления мягкой мозговой оболочки, что организм девочки находился в выраженной степени истощения, вызванного только что перенесенной болезнью, что это безусловно снижало сопротивляемость организма к инфекционному процессу. В результате этого незначительные повреждения мягких тканей лица от столкновения с подводой явились источником заражения всего организма. Вышеуказанные телесные повреждения при отсутствии инфекции повлекли бы легкие телесные повреж-

дения без расстройств здоровья».

При наличии указанных обстоятельств следует признать правильным вывод Акмолинского областного суда, рассматривавшего первоначально в кассационном порядке дело о том, что поскольку неосторожными действиями Помаленького потерпевшей Кадырсызовой нанесены легкие телесные повреждения, а смерть девочки наступила от инфекционного процесса, вспыхнувшего в связи с ранее перенесенной ею болезнью, то причинная связь между действиями осужденного и наступившими последствиями — смерть Кадырсызовой — отсутствует. Следовательно, преступление Помаленького как неосторожное легкое телесное повреждение надлежало квалифицировать по ч. 1 ст. 145 УК РСФСР.

Указание Верховного суда Казахской ССР, что Помаленький должен нести ответственность за неосторожное убийство Кадырсызовой, является ошибочным. В связи с этим нельзя признать правильным и определение Акмолинского областного суда от 14 ноября 1950 г., которым приговор народного суда в отношении Помаленького, осужденного по ст. 139 УК, оставлен в силе.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Казахской ССР от 7 октября 1950 г. и определение Акмолинского областного суда от 14 ноября 1950 г. по делу Помаленького отменить, оставив в силе приговор народного суда от 14 июля 1950 г. и определение Акмолинского областного суда от 17 августа 1950 г.

14. ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЬ ОБЯЗАН ВЫЯСНИТЬ И ИССЛЕДОВАТЬ ВСЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, КАК УЛИЧАЮЩИЕ, ТАК И ОПРАВДЫВАЮЩИЕ ОБВИНЯЕМОГО

Дело Л. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 17 октября 1951 г.

По приговору народного суда 2-го участка Ленинского района г. Вильнюса, оставленному в силе определением Вильнюсского областного

суда, Л. осужден по ст. 19 и п. «а» ст. 136 УК РСФСР.

Определением Верховного суда Литовской ССР состоявшегося судеб-

ные решения отменены и дело передано на исследование.

Протест Генеральным Прокурором СССР принесен на предмет отмены определения Верховного суда Литовской ССР и оставления в силе приговора народного суда и определения Вильнюсского областного суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Л. был осужден за то, что в ночь с 14 на 15 июня 1950 г. совершил покушение на убийство гр-ки М.

Из материалов дела видно, что Л. работал шофером в детдоме местечка Чебишкис и имел интимную связь с работницей того же детдома М. 14 июня 1950 г. Л. по служебной командировке прибыл в г. Вильнюс, куда в свою очередь также прибыла и М. (последнее время она уже не работала в детдоме). Вечером они встретились около Кафедральной площади и гуляли по городу. Около трех часов ночи М. после свидания с Л. была обнаружена случайно проходившими работниками газеты «Тиеса» лежащей в бесчувственном состоянии на улице.

У потерпевшей горло и руки были завязаны веревками. Работники Венцловас и Бутенас веревки перерезали и потерпевшая была доставлена в больницу.

Потерпевшая указала, что она была в близких отношениях с Л., но когда последний узнал, что она беременна, то решил ее убить. Л. якобы набросил ей на шею веревку, ударил по лицу и затянул веревкой шею, от чего она потеряла сознание.

Народный суд поверил показаниям потерпевшей М. и вынес в отношении Л. обвинительный приговор. Между тем Л. виновным себя не признал.

Протест не может быть удовлетворен по следующим основаниям:

По делу остался невыясненным целый ряд обстоятельств, поэтому Верховный суд Литовской ССР обоснованно отменил приговор народного суда и определение областно-

го суда с передачей дела на исследование.

Л. не отрицает, что он гулял с М. почти до трех часов ночи 15 июня 1950 г., но указывает, что после этого он попрощался с М. у ворот двора Министерства просвещения (где стояла автомашина, на которой он прибыл в командировку) и больше с М. он не виделся, а лег спать в автомашине.

Сторож Министерства просвещения свидетель Монтримас показал, что действительно Л. около трех часов ночи 15 июня 1950 г. постучал в ворота и он его впустил, а у ворот какая-то женщина сказала Л.: «Спокойной ночи». Затем, утверждает свидетель, Л. лег спать в машине и никуда не выходил. Что касается времени прихода Л., то свидетель Монтримас пояснил, что время он смотрел по часам машины «Победа», которая стояла на дворе. Хотя показания Монтримаса ничем не опровергнуты, однако суд без серьезных мотивов им не поверил. В протесте указано, что показания Монтримаса не соответствуют действительности, поскольку он не мог видеть времени на часах машины «Победа»: в машине не было света. Протест утверждает, что М. не могла провожать Л. до здания Министерства просвещения, ибо она около трех часов ночи была найдена связанной.

Эти доводы протеста необоснованы. Монтримас указал, что на дворе висит большая электрическая лампа и ее светом через стекло автомашины были освещены часы. Хотя суд и выезжал на место, но этого обстоятельства не проверил и никакого протокола по этому поводу составлено не было. Сама М. подтверждает, что она проводила Л. около трех часов ночи до ворот Министерства просвещения и, когда сторож его впустил во двор, она сказала ему: «Спокойной ночи, Антанели», и после этого пошла обратно по направлению к костелу. При наличии таких показаний самой потерпевшей нельзя утверждать, что это-

го факта не было и что показания свидетеля Монтримаса не заслуживают доверия.

Установление факта, мог ли Л. выйти со двора незамеченным Монтримасом, для дела имеет большое значение. Хотя, осматривая двор Министерства просвещения, суд и установил, что там находится здание, из которого через окно можно проникнуть на улицу, однако не было установлено, закрываются ли двери этого помещения на ночь или нет. Поэтому совершенно обоснованно требование Верховного суда Литовской ССР допросить свидетеля Петрилу (он ни разу не был допрошен), который может пояснить суду эти обстоятельства.

В показаниях потерпевшей есть противоречия, на которые суд не обратил должного внимания.

Вначале М. показала, что когда она шла по улице, попрощавшись с Л., то на нее напал какой-то мужчина, а дальше она уже говорит, что напал на нее Л. В акте медицинского эксперта записано, что в больнице М. рассказывала, что, лежа на улице связанной, она чувствовала как люди ей светили в лицо и развязали руки. А в своих дальнейших показаниях она говорила, что была совсем без сознания и очнулась лишь в больнице.

Свидетель Венцловас показал, что когда, услышав хрип, они с Бутенасом подошли к лежащей на земле М. и потрясли ее за ногу, то она слабым, но чистым голосом сказала: «Антанай». Поэтому неизвестно, была ли она в бессознательном состоянии.

Из материалов дела усматривается, что М. преследовала Л. и настаивала на том, чтобы он женился на ней, угрожая в противном случае причинить ему неприятности.

Свидетели Валишаускене, Руданкас и другие подтвердили, что, еще будучи в детском доме работницей, М. несколько раз инсценировала покушение на самоубийство: она делала вид, что хочет утопиться в речке, отравлялась и т. п.

М. говорила Л., что она якобы беременна от него, но о беременности М. в деле нет никаких данных.

Вышеуказанные обстоятельства говорят о том, что М. все время странно себя вела, поэтому действительно требуется проверить, не было ли и на этот раз покушение на убийство М. инсценировано самой потерпевшей. Тем более, что допрошенные свидетели Валишаускене и Краучунене показали, что М. им рассказывала о том, что она сама якобы завязала себе веревкой шею и руки.

Больше того, гражданин Р. в своем письменном заявлении суду указывает, что М. в сентябре 1950 года угрожала ему «сделать так, как сделала шоферу». После этого она якобы сама себя исцарапала и заявила в милицию, что он, Р., ее избил и обокрал, за что он даже на несколько дней был задержан милицией, пока выяснилось, что он не виноват. Этого свидетеля необходимо допросить и указанные в его заявлении обстоятельства проверить.

Насколько крепко были завязаны веревками горло и руки М., точно не установлено. Следует более тщательно допросить свидетелей Бутенаса и Венцловаса, которыми была обнаружена потерпевшая на улице, чтобы установить, как были завязаны у потерпевшей руки. Если они были за спиной крепко завязаны, то непонятно, почему при осмотре М. в больнице медэкспертом рубец от веревки был обнаружен только на одной левой руке. Поэтому следует также провести эксперимент, могла ли сама М. сперва завязать веревку себе на шею, а потом завязать себе руки за спиной.

При таких обстоятельствах дела оставить обвинительный приговор в отношении Л. в силе у Верховного суда Литовской ССР не было достаточных оснований.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: Протест по делу Л. отклонить.

**15. ПРИГОВОР, ОТМЕНЕННЫЙ ПО КАССАЦИОННЫМ ЖАЛОБАМ
ОСУЖДЕННЫХ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСТАВЛЕН В СИЛЕ
ВЫШЕСТОЯЩИМ СУДОМ, РАССМАТРИВАЮЩИМ ДЕЛО В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА**

*Дело Зайцева и Мирцхулава. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 31 октября 1951 г.*

По приговору народного суда 2-го участка Гульрипшского района Грузинской ССР осуждены: Зайцев по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и Мирцхулава по ч. 1 ст. 179 УК Грузинской ССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам областного суда Юго-Осетинской автономной области приговор отменен и дело возвращено на доследование.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР по протесту прокурора Грузинской ССР определение областного суда Юго-Осетинской автономной области отменено и приговор народного суда оставлен в силе.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР об отмене приговора и определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Зайцева и Мирцхулава и направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Зайцев и Мирцхулава признаны виновными в том, что Зайцев, работая заведующим складом строительства, похитил со склада 3,12 куб. м лесоматериала, которые продал Мирцхулава, а последний, заведомо зная, что этот лесоматериал похищен, купил его.

Приговор и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР в отношении Зайцева и Мирцхулава подлежат отмене по следующим основаниям:

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской

ССР, отменив определение Судебной коллегии по уголовным делам областного суда Юго-Осетинской автономной области о возвращении дела на дополнительное расследование и оставив приговор в силе, тем самым фактически лишила осужденных права на кассационное обжалование, что является незаконным. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР, считая, что определение областного суда Юго-Осетинской автономной области является неправильным, должна была дело вернуть на новое кассационное рассмотрение в областной суд.

Из материалов дела усматривается, что частные лица не имели доступа в объекты строительства и Мирцхулава не мог вывезти лесоматериал без договоренности с Зайцевым о способе вывоза леса.

Для сокрытия следов своего преступления Зайцев и Мирцхулава оформили вывоз леса якобы для кожевенно-обувного комбината, причем последний дал расписку Зайцеву, что он взял лес для кожевенно-обувного комбината.

Из дела видно, что кожевенно-обувной комбинат до вышеуказанного случая выбрал все следующее ему количество лесоматериала.

Вывезенный Мирцхулава лесоматериал был обнаружен органами милиции во дворе дома № 25 по ул. Куйбышева в г. Сухуми.

При этих данных надо признать, что у суда не было основания действия Мирцхулава квалифицировать по ч. 1 ст. 179 УК Грузинской ССР, так как он непосредственно участвовал в хищении лесоматериала.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Состоявшиеся по делу судебные решения отменить и дело направить в другой народный суд на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

16. В ПРИГОВОРЕ СУДА НЕ ДОЛЖНО СОДЕРЖАТЬСЯ УКАЗАНИЕ НА ПРЕЖНЮЮ СУДИМОСТЬ ПОДСУДИМОГО, ЕСЛИ ОНА ПОГАШЕНА ПО ДАВНОСТИ ИЛИ СНЯТА ПО АМНИСТИИ

Дело Кильпикова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 5 ноября 1951 г.

[Извлечение]

Кильпиков был осужден приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Мордовской АССР от 14 мая 1948 г., оставленным в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 15 июня 1948 г.

В описательной части приговора Верховного суда Мордовской АССР и описательной части определения Верховного суда РСФСР указано, что Кильпиков судим в 1923 году к одному году лишения свободы и в 1936 году к одному году исправительно-трудовых работ.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия нашла, что эти указания подлежат исключению по следующим основаниям:

Согласно п. «в» ст. 10¹ Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 55 УК РСФСР признаются не имеющими судимости лица, приговоренные к лишению свободы на срок не более трех лет, не совершившие нового преступления в течение шести лет со дня отбытия наказания, и лица, приговоренные к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякому иному более мягкому наказанию, не совершившие нового преступления в течение трех лет со дня отбытия наказания.

С момента отбытия Кильпиковым наказания по приговору, вынесенному в 1923 году, до осуждения его в 1936 году прошло свыше десяти лет; равным образом, с момента отбытия Кильпиковым наказания по приговору, вынесенному в 1936 го-

ду, до рассмотрения настоящего дела прошло также свыше десяти лет. Таким образом, по действующему закону Кильпиков к моменту рассмотрения настоящего дела считался лицом, не имеющим судимости. Кроме того, к моменту рассмотрения дела в 1936 году Кильпиков считался лицом, не имеющим судимости по приговору 1923 года и в силу амнистии от 2 ноября 1927 г. в честь X годовщины Великой Октябрьской социалистической революции; по приговору же, вынесенному в 1936 году, Кильпиков считался лицом, не имеющим судимости, в силу амнистии от 7 июля 1945 г. в ознаменование победы над гитлеровской Германией.

Поэтому следует признать, что как Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Мордовской АССР, так и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР допустили нарушение действующего закона, сославшись первая в своем приговоре, а вторая в своем определении на судимость Кильпикова в прошлом, хотя по каждому из двух приведенных выше оснований он должен считаться лицом, не имеющим судимости по ранее вынесенным приговорам.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Исключить из приговора Верховного суда Мордовской АССР и определения Верховного суда РСФСР ссылку на прежнюю судимость Кильпикова.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

**1. ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ИСКОВ О ВЫПЛАТЕ ПРЕМИАЛЬНОГО
ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ СУД ДОЛЖЕН ИСХОДИТЬ ИЗ ТЕХ ОБЪЕКТИВНЫХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ПРЕМИРОВАНИЯ,
КОТОРЫЕ ПРЕДУСМОТРЕНЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ В УЧРЕЖДЕНИИ
ИЛИ ПРЕДПРИЯТИИ СИСТЕМОЙ ОПЛАТЫ ТРУДА, И НЕ ВПРАВЕ
УСТАНАВЛИВАТЬ НОВЫЕ УСЛОВИЯ ПРЕМИРОВАНИЯ**

*Определение № 361878 по иску Гузиенко и других
к Транспортной конторе треста о взыскании премиального
вознаграждения*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 17 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Сталинского района г. Орска и определение Чкаловского областного суда по иску Гузиенко, Келлер и других к Транспортной конторе треста о взыскании премиального вознаграждения.

Решением народного суда 2-го участка Сталинского района г. Орска постановлено взыскать в пользу Гузиенко, Зиновьева, Келлер и других разные суммы премиального вознаграждения с Транспортной конторы.

Судебная коллегия по гражданским делам Чкаловского областного суда определением решение народного суда отменила и дело в судебном порядке производством прекратила.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения областного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В исковом заявлении истцы указали, что они, как работники железнодорожного транспорта треста, на основании приказа о выплате премиального вознаграждения должны были получить за работу в 1949 году соответствующие премии, которых им не выплатили, а потому они и просили взыскать это вознаграждение.

Представитель ответчика, возражая против иска, указал, что по положению о выплате премий работникам железнодорожного транспорта нефтяной промышленности премия выплачивается за безаварийную работу в течение года, между тем в 1949 году истцами были допущены в работе аварии, а потому они и лишены премии.

Наличие аварий истцы не оспаривали, но утверждали, что это обстоятельство не должно лишать их премий, так как все аварии были не по их вине.

Народный суд, соглашаясь с этими доводами истцов, признал, что и при наличии аварий, поскольку они имели место не по вине истцов, их работа должна считаться безаварий-

ной и потому истцы имеют право на получение премиального вознаграждения за работу в 1949 году.

Приказом Народного комиссара нефтяной промышленности № 207 за 1940 год, которым руководствовался суд, определенным категориям работников железнодорожного транспорта нефтяной промышленности за работу без аварий в течение года установлена выплата единовременной премии в размере месячной заработной платы.

Указанным приказом установлены объективные показатели для получения премиального вознаграждения работниками железной дороги, а потому на обязанности суда лежала проверка действий администрации только в отношении того, соответствовало ли распоряжение о лишении премии истцов установленным показателям.

Поскольку истцы сами подтверждали наличие аварий, суд должен был действия ответчика по лишению премии признать законными, тогда как суд, как это видно из решения, вышел за пределы предоставленных ему прав и вошел в обсуждение системы выплаты премиального вознаграждения, установив своим решением новые показатели для премирования.

При рассмотрении заявленного иска суд должен был руководствоваться постановлением Пленума Верховного суда СССР от 13 ноября 1941 г., которым предусмотрено, что суду подсудны иски только по вопросам выплаты премиального вознаграждения.

В противоречии с материалами дела и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 13 ноября 1941 г. «О подсудности судебным органам исков о выплате премиального вознаграждения» находится и определение Чкаловского областного суда о прекращении дела за неподсудностью такого рода исков судебному рассмотрению по мотивам, что премиальное вознаграждение носит поощрительный характер.

Действующим законодательством для некоторых хозяйственных органов установлена система премирования рабочих и служащих за производственные достижения в работе и предусмотрены объективные показатели оценки их работы для получения премии, а также предусмотрены и основания для лишения премиального вознаграждения.

Суду подведомственны иски о выплате премиального вознаграждения в части проверки законности действий администрации по лишению премиального вознаграждения, обусловленного системой оплаты труда, основанной на объективных показателях работы.

Из материалов дела видно, что выплата премий некоторым категориям работников железнодорожного транспорта нефтяной промышленности введена в целях упорядочения заработной платы и обеспечения подъема производительности труда, также установлены и объективные показатели для оценки работы, при выполнении которых работники получают премиальное вознаграждение.

Вопреки таким материалам дела Чкаловский областной суд пришел к выводу, что премия в данном случае носит характер единовременного поощрительного вознаграждения, имея, видимо, в виду премии, выдаваемые по усмотрению руководителей предприятий, учреждений и организаций за хорошие показатели в работе.

В силу изложенного, принимая во внимание, что по делу собраны достаточные материалы для вынесения нового решения, из которых видно, что действия администрации треста по лишению премии законны, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 2-го участка Сталинского района г. Орска и определение Чкаловского областного суда по настоящему делу отменить и в иске истцам отказать.

2. РАЗРЕШАЯ ИСК О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА, СУД ОБЯЗАН ТЩАТЕЛЬНО ИССЛЕДОВАТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ

Определение по делу № 36/914 по иску Цандра к Тимофееву о расторжении брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 24 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Верховного суда Молдавской ССР от 20 марта 1951 г. по иску Цандра к Тимофееву о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Гр-ка Цандра обратилась в суд с заявлением о расторжении брака с гр-ном Тимофеевым, ссылаясь на то, что с ответчиком она состоит в зарегистрированном браке с 5 октября 1947 г., имеет от него сына Владимира, рождения 1949 года, но муж с 1948 года своим поведением создает невозможные условия для совместной жизни. Истица просила суд расторгнуть брак с ответчиком и взыскать с него алименты на содержание ребенка.

Верховный суд Молдавской ССР решением от 20 марта 1951 г. отказал в иске Цандра о расторжении брака с Тимофеевым и отменил свое определение от 25 октября 1950 г. о предварительном взыскании с Тимофеева средств на содержание ребенка.

Протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене решения Верховного суда Молдавской ССР и о передаче дела на новое рассмотрение, подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Судом настоящее дело рассмотрено в отсутствие ответчика Тимофеева, а потому суд с достаточной полнотой не исследовал всех обстоятельств по делу и не установил действительных взаимоотношений сторон, чем нарушил п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 ноября 1949 г. № 12/8/у

«О судебной практике по делам о расторжении брака».

Истица Цандра как в своем заявлении, так и в объяснениях в суде утверждала, что ее муж, ответчик по делу Тимофеев, систематически приходил с работы пьяным и избивал ее, между тем судом эти доводы истицы не были проверены и не истребованы от нее доказательства в подтверждение иска.

В своей жалобе Цандра указывает, что ее муж, Тимофеев, не желает с ней жить и что после рассмотрения дела в народном суде он выехал на работу на Дальний Восток, оставив ее с ребенком без материальной помощи. О том, что муж не оказывает материальной помощи в содержании ребенка истица заявляла также и при рассмотрении дела в Верховном суде Молдавской ССР, однако Верховный суд Молдавской ССР отказал ей не только в иске о расторжении брака, но и во взыскании алиментов, тем самым освободив Тимофеева от обязанности содержать своего сына.

При новом рассмотрении дела суду надлежит более тщательно проверить все обстоятельства дела и обсудить вопрос, смогут ли стороны в дальнейшем создать нормальные условия для совместной супружеской жизни и воспитания имеющегося у них ребенка и в зависимости от собранных доказательств вынести соответствующее решение.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение Верховного суда Молдавской ССР от 20 марта 1951 г. и дело передать на новое рассмотрение в тот же Верховный суд Молдавской ССР в ином составе судей.

**3. СУПРУГИ МОГУТ ВСТУПАТЬ МЕЖДУ СОБОЙ ВО ВСЕ
ДОЗВОЛЕННЫЕ ЗАКОНОМ ИМУЩЕСТВЕННО-ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**
(ст. 13 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР)

*Определение по делу № 36/918 по иску Гуревича к Бродской
о передаче имущества*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 24 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Московского городского суда от 8 марта 1951 г., решение Московского городского суда от 17 апреля 1951 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 15 мая 1951 г. по иску Гуревича к Бродской об истребовании имущества.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Гуревич и Бродская в 1947 году вступили в зарегистрированный брак, а в январе месяце 1950 года брак был расторгнут.

Ввиду того, что Бродская отказалась возвратить Гуревичу лично ему принадлежащее имущество, в том числе предметы домашней обстановки, он обратился в суд с иском об изъятии из пользования ответчицы этого имущества в натуре или об уплате стоимости имущества в сумме 29 530 руб.

Ответчица Бродская не отрицала, что спорное имущество принадлежало истцу до вступления с ней в брак, но вместе с тем предъявила встречный иск, в котором просила суд признать за ней право на пианино и другое имущество. Свои претензии на эти вещи Бродская мотивировала тем, что до вступления с Гуревичем в брак у нее были лично ей принадлежащее пианино и ряд других вещей, но все это имущество по договоренности с истцом было продано, и вырученные от продажи средства в сумме 12 600 руб. обращены на общие нужды семьи.

Решением народного суда 4-го участка Краснопресненского района г. Москвы от 23 февраля 1951 г. требования Бродской были удовлетворены.

При вынесении этого решения суд исходил из того, что в период со-

вместного проживания сторон ответчица Бродская взамен вещей, принесенных при вступлении в брак истцом, продала лично принадлежащее ей имущество (пианино, шкаф, кровать, буфет) на 9450 руб., которые были израсходованы на общие нужды семьи, ввиду чего ответчица в порядке ст. 10 КЗоБСО РСФСР имеет право на соответствующую долю имущества, принадлежащего истцу. Определив эту долю в денежном выражении в сумме 4725 руб., т. е. в половинной части от суммы, вырученной от продажи имущества Бродской, суд оставил в ее пользовании вещи по общей оценке в сумме 2000 руб. и 2725 руб. взыскал в ее пользу с истца деньгами.

Московский городской суд, рассмотрев 8 марта 1951 г. дело по жалобе истца, решение народного суда отменил и дело принял к своему производству по первой инстанции.

Решением от 17 апреля 1951 г. Московский городской суд иск Гуревича удовлетворил, а во встречном иске Бродской отказал, обязав истца возвратить ответчице лишь кровать, стол столовый и шесть стульев, т. е. вещи, которые истец вывез из квартиры Бродской на свою дачу.

Определением Верховного суда РСФСР от 15 мая 1951 г. указанное решение Московского городского суда оставлено в силе без изменений.

Протест Председателя Верховного суда СССР о частичном пересмотре дела подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Гуревич не оспаривает того факта, что при вступлении в брак с Бродской последняя по обоюдной договоренности продала часть предметов из принадлежащей ей домашней обстановки, которая была заменена обстановкой, имевшейся у истца. По делу также доказано, что вырученные от продажи указанного имуще-

ства деньги были израсходованы на удовлетворение нужд семьи.

В силу ст. 13 КЗоБСО РСФСР такое соглашение между супругами является законным, а потому домашнюю обстановку, привезенную Гуревичем в квартиру Бродской взамен обстановки, проданной последней, следует рассматривать общей собственностью супругов, и спор между сторонами по поводу раздела этого общего имущества должен разрешаться в соответствии со ст. 10 КЗоБСО РСФСР.

С учетом сказанного решение народного суда 4-го участка Краснопресненского района г. Москвы от 23 февраля 1951 г. об удовлетворении встречных требований Бродской

в части признания за ней права на долю в общем имуществе с Гуревичем являлось правильным, а потому это решение и подлежит оставлению в силе, как соответствующее фактическим обстоятельствам дела и закону.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Московского городского суда от 8 марта 1951 г., последующее решение того же городского суда от 17 апреля 1951 г. и определение Верховного суда РСФСР от 15 мая 1951 г. отменить, а решение народного суда 4-го участка Краснопресненского района г. Москвы от 23 февраля 1951 г. оставить в силе.

4. ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ п. 16-а ИНСТРУКЦИИ НКЮ СССР ОТ 27 НОЯБРЯ 1944 г., ПО МОТИВАМ ДУШЕВНОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ СУПРУГА-ОТВЕТЧИКА, СУД ДОЛЖЕН ИСТРЕБОВАТЬ ОТ ИСТЦА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ КОМИССИИ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЕ О ХРОНИЧЕСКОЙ ДУШЕВНОЙ БОЛЕЗНИ ОТВЕТЧИКА

*Определение по делу № 36/927 по иску Д. к Д.
о расторжении брака*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Верховного суда Молдавской ССР от 31 августа 1951 г. по иску Д. к Д. о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Истец обратился в Верховный суд Молдавской ССР с иском о расторжении брака по тем мотивам, что его жена, страдая хронической душевной болезнью, не может дать правильного воспитания детям и действует на психику детей отрицательно. Поэтому, считая совместное проживание с женой невозможным, истец просил суд расторгнуть брак, передав ему на воспитание троих детей в возрасте 16, 14 и 10 лет.

В подтверждение этого истец представил выписку из истории бо-

лезни его жены с диагнозом: эпилепсия, слабоумие органического характера.

Верховный суд Молдавской ССР 31 августа 1951 г., рассмотрев дело в порядке, предусмотренном п. 16-а инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г., решил расторгнуть брак между супругами Д. и детей передать на воспитание истцу.

Председатель Верховного суда СССР, считая решение Верховного суда Молдавской ССР неправильным, внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР.

Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Разрешая дело в порядке предусмотренном п. 16-а инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г., суд, нарушив п. 7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. «О судебной

практике по делам о расторжении брака», не истребовал заключение врачебной комиссии по вопросу о наличии хронической душевной болезни у ответчицы.

Предоставляя возможность рассмотреть дело непосредственно в областном или Верховном суде без публикации в газете и без вызова супруга-ответчика, п. 16-а инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. имеет в виду не всякую вообще душевную болезнь, а такую форму хронической душевной болезни, при которой исключается участие в судебном процессе супруга-ответчика.

Представленная к делу выписка из истории болезни не свидетельствует о наличии у ответчицы такой хронической душевной болезни, которая лишила бы ее возможности участвовать в судебном процессе. Из заявления ответчицы, поданного в Верховный суд Молдавской ССР, видно, что она действительно с 2 августа по 23 августа 1951 г. находилась на излечении в психоневрологической больнице и выписана до рассмотрения дела в суде с диагнозом: эпилепсия. Она заявляет, что истец не поставил ее в известность о предстоящем процессе о расторжении брака, в котором она желала бы лично участвовать, и возражает против передачи детей на воспитание истцу.

**5. ЧЛЕН СЕМЬИ ПОСТОЯННОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ
МОЖЕТ ВЫДЕЛИТЬСЯ ИЗ СОСТАВА СЕМЬИ
И ПО СЕМЕЙНОМУ СОГЛАШЕНИЮ СТАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ, ЕСЛИ ЕМУ МОЖЕТ БЫТЬ
ВЫДЕЛЕНА ЖИЛАЯ ПЛОЩАДЬ В ВИДЕ ОТДЕЛЬНОЙ КОМНАТЫ
ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ВЫДЕЛЯЮЩИЙСЯ ЧЛЕН СЕМЬИ
ИМЕЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЗАРАБОТОК**

*Определение по делу № 36197 по иску Центрального
управления делами Министерства путей сообщения СССР
к Гордон об изъятии излишков жилой площади*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 20 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда РСФСР от 3 марта 1951 г. по иску Центрального управ-

При вторичном рассмотрении дела суду надлежит в порядке ст. 95 ГПК УССР истребовать заключение врачебной комиссии, свидетельствующее о наличии у ответчицы хронической душевной болезни и о ее недееспособности.

Если такое заключение будет представлено к делу, то суд должен известить органы опеки на предмет назначения опеки для защиты личных и имущественных прав ответчицы и ограждения интересов детей.

Если из представленного заключения врачебной комиссии будет видно, что болезнь ответчицы не является хронической душевной болезнью, лишаящей ее возможности участвовать в судебном рассмотрении дела, то суду следует дело о расторжении брака, возбужденное в порядке, предусмотренном п. 16-а инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г., производством в Верховном суде Молдавской ССР прекратить, разъяснив истцу порядок обращения с иском о расторжении брака в суд на общих основаниях.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Верховного суда Молдавской ССР от 31 августа 1951 г. отменить и дело возратить в Верховный суд Молдавской ССР на новое рассмотрение.

ления делами Министерства путей сообщения СССР к Гордон об изъятии излишков жилой площади.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Центральное управление делами Министерства путей сообщения

СССР в октябре 1950 года предъявило в суде иск к Гордон об изъятии одной изолированной комнаты как излишней.

В исковом заявлении было указано, что в доме, принадлежащем Министерству путей сообщения СССР, ответчица с несовершеннолетней дочерью пользуются двумя изолированными комнатами, из которых одна является излишней против нормы и подлежит изъятию, поскольку ответчица от добровольной передачи излишней площади уклоняется.

Рассмотрев это дело, народный суд 7-го участка Свердловского района г. Москвы решением от 11 декабря 1950 г. требование истца об изъятии из пользования Гордон одной комнаты удовлетворил. Московский городской суд определением от 24 января 1951 г. решение народного суда оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 3 марта 1951 г. решение народного суда и определение Московского городского суда отменила и дело передала на новое рассмотрение с указанием, что удовлетворение иска противоречит ст. 27 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., так как спорная комната принадлежит не ответчице, а ее несовершеннолетней дочери.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене указанного определения Верховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Отменяя решение народного суда и определение Московского городского суда об изъятии из пользования Гордон комнаты, Верховный суд РСФСР сослался на то, что эта комната принадлежит несовершеннолетней дочери ответчицы — Гордон Ларе, которая имеет на данную площадь самостоятельный ордер.

Указанные доводы Верховного суда РСФСР нельзя признать правильными.

В соответствии с инструкцией НККХ и НКЮ РСФСР от 27 января 1934 г. «О постоянных пользователях жилых помещений и временных жильцах» член семьи постоянного пользователя может выделиться из состава семьи и по семейному соглашению стать самостоятельным пользователем жилой площади, если ему может быть выделена жилплощадь в виде отдельной комнаты при условии, что выделяющийся член семьи имеет самостоятельный заработок.

В данном же случае малолетняя дочь ответчицы проживает совместно со своей матерью, которая всю занимаемую жилую площадь оплачивает по единому лицевому счету и является по договору жилищного найма основным съемщиком обеих комнат, а потому факт выдачи отдельного ордера на имя малолетней дочери ответчицы существенного значения не имеет и не может служить основанием к признанию малолетней дочери Гордон самостоятельной съемщицей жилой площади.

Из дела также видно, что первоначально ответчице и ее малолетней дочери был выдан ордер на одну комнату размером 24,6 кв. м, а через некоторое время на имя дочери ответчицей был получен ордер на другую комнату, причем в целях придания видимой законности выдачи такого ордера первое время на имя малолетней дочери ответчицы был открыт отдельный лицевой счет, объединенный впоследствии со счетом ответчицы как основного съемщика обеих комнат.

При таких условиях решение народного суда и определение Московского городского суда об удовлетворении требований истца об изъятии из пользования ответчицы излишней против нормы жилой площади следует признать правильными, соответствующими обстоятельствам дела и отвечающими ст. 27 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.

По изложенным соображениям и принимая во внимание, что обстоятельства по делу полностью вы-

яснены, а потому в дополнительной проверке не нуждаются, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила: Определение Верховного суда РСФСР от 3 марта 1951 г. отменить, а решение народного суда 7-го уча-

стка Свердловского района г. Москвы от 11 декабря 1950 г. и определение Московского городского суда от 24 января 1951 г. об удовлетворении иска об изъятии из пользования Гордон излишней против нормы жилой комнаты оставить в силе.

6. ВСЕ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ И ИЖДИВЕНЦЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ СОВМЕСТНО С ОСНОВНЫМ СЪЕМЩИКОМ, ИМЕЮТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРАВО НА ПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ

Определение по делу № 36/1899 по иску Ягизарова к Горжилуправлению и Левитану о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 20 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 1-го участка Октябрьского района г. Баку от 15 декабря 1950 г. и на определение Судебной коллегии Верховного суда Азербайджанской ССР от 18 января 1951 г. по иску Ягизарова к Горжилуправлению, а также к гр-ну Левитану об освобождении жилой площади и к Ягизаровой-Алиевой об отобрании ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Ягизаров и Ягизарова состояли в браке и проживали совместно в квартире из двух комнат, от брака имеют сына Раджи-Мурада, рождения 1939 года. В 1941 году Ягизаров был призван в Советскую Армию и демобилизовался в январе 1950 года.

В 1944 году Ягизарова прекратила брачные отношения с Ягизаровым и вступила в брак с другим. В ноябре 1950 года Ягизарова выехала из квартиры к своему второму мужу, а сына оставила у своей бывшей домашней работницы. Квартиру Ягизарова освободила, и ее занял гр-н Левитан с согласия Жилищного отдела.

Ягизаров обратился в народный суд с иском к Ягизаровой-Алиевой об отобрании ребенка и к Жилищному отделу Бакинского горисполкома о выселении Левитана с жилой площади, ранее занимаемой им и его сыном, считая, что жилая пло-

щадь занята Левитаном незаконно, с нарушением прав его несовершеннолетнего сына.

Народный суд 1-го участка Октябрьского района г. Баку решением от 15 декабря 1950 г. отказал Ягизарову в иске о возврате квартиры, а в отношении передачи ребенка предложил обратиться в народный суд с самостоятельным иском.

Судебная коллегия Верховного суда Азербайджанской ССР от 18 января 1951 г. определила решение народного суда оставить в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из приобщенного к данному делу второго дела по иску Ягизарова к Ягизаровой-Алиевой об отобрании ребенка видно, что вопрос этот уже разрешен, сын истца по решению народного суда передан на воспитание Ягизарову и проживает с ним совместно.

Суд неправильно отказал в иске Ягизарову о возврате жилой площади, ранее занимаемой им и его сыном, только по тем основаниям, что истец утратил право на предъявление иска за пропуском шестимесячного срока со дня демобилизации из рядов Советской Армии.

Ягизаров предъявил иск о возврате ранее занимаемой жилой площади не только от своего имени, но и в защиту интересов своего сына, не утратившего права на спорную жилую площадь.

Суд не обсудил вопроса о восстановлении права сына истца на спорную жилплощадь.

Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. самостоятельное право на пользование жилым помещением имеют члены семьи и иждивенцы, проживающие совместно с основным съемщиком жилой площади.

Сын истца, являясь членом семьи Ягизаровой-Алиевой, бесспорно имел право на занимаемую жилую площадь наравне с другими членами семьи, и по делу не усматривается, что он утратил право на эту жилплощадь.

Согласно ст. 34 закона от 17 октября 1937 г. за съемщиками, выехавшими с семьей временно, жи-

лые помещения сохраняются в течение шести месяцев.

Из дела видно, что Ягизарова и ее сын были со спорной жилплощади в ноябре 1950 года, а с иском о возврате жилой площади, заявленным в интересах ребенка, истец обратился в декабре того же года, т. е. в пределах шестимесячного срока.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда от 15 декабря 1950 г. и определение Верховного суда Азербайджанской ССР от 18 января 1951 г. в части, касающейся иска о выселении, и дело в этой части передать на новое рассмотрение в Верховный суд Азербайджанской ССР по первой инстанции.

**7. ИНВАЛИДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ВСЕЛИВШИЕСЯ
ДО 1 ЯНВАРЯ 1948 г. В КАЧЕСТВЕ ВРЕМЕННЫХ ЖИЛЬЦОВ
НА ПЛОЩАДЬ ОСНОВНЫХ СЪЕМЩИКОВ В ДОМАХ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ,
НЕ ПОДЛЕЖАТ ВЫСЕЛЕНИЮ В СЛУЧАЕ ВЫБЫТИЯ
ОСНОВНОГО СЪЕМЩИКА С ЭТОЙ ПЛОЩАДИ**

*Определение по делу № 36/934 по иску Райжилотдела
к Трофимову о выселении*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 октября 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 3-го участка Сталинского района г. Москвы от 23 октября 1950 г. и на определение Московского городского суда от 27 ноября 1950 г. по иску Жилищного отдела исполкома Сталинского райсовета депутатов трудящихся г. Москвы к Трофимову о выселении.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В феврале 1946 года гр-н Трофимов с женой и двумя детьми поселился на жилую площадь основной съемщицы Михайловой в качестве ее опекуна.

В июне 1948 года Михайлова умерла, после чего Жилищный отдел исполкома Сталинского райсовета депутатов трудящихся г. Москвы

предъявил в суде иск о выселении Трофимова как временного жильца.

Рассмотрев дело, народный суд 3-го участка Сталинского района г. Москвы решением от 16 сентября 1949 г. в удовлетворении иска Районному жилищному отделу отказал по тем мотивам, что ответчик Трофимов как инвалид Отечественной войны, вселившийся на спорную площадь до 1 января 1948 г., в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 15 августа 1948 г. «О жилищных льготах семьям военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны»¹ выселению не подлежит.

Московский городской суд 6 октября 1949 г. это решение народного суда оставил в силе.

¹ СП СССР 1948 г. № 5, ст. 61.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 7 августа 1950 г. решение народного суда и определение Московского областного суда в порядке надзора отменила и дело передала на новое рассмотрение в связи с тем, что суд не проверил, является ли ответчик инвалидом Отечественной войны.

Последующим решением от 23 октября 1950 г. народный суд 3-го участка Сталинского района г. Москвы признал ответчика временным жильцом и выселил его со всеми совместно с ним проживающими лицами из занимаемого жилого помещения.

Московским городским судом 27 ноября 1950 г. это решение было оставлено в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда от 23 октября 1950 г. и определения Московского городского суда от 27 ноября 1950 г. подлежат удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела усматривается, что ответчик Трофимов является инвалидом Великой Отечественной войны, поэтому в отношении его должны быть применены жилищные льготы, предусмотренные ст. 2 постановления Совета Министров СССР от 15 августа 1948 г. «О жилищных льготах семьям военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны».

Указанным выше постановлением исполкомы местных Советов депутатов трудящихся обязаны закреплять

за семьями военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны, а также за инвалидами Отечественной войны, вселившимися до 1 января 1948 г. в качестве временных жильцов на площадь основных съемщиков в домах местных Советов, жилую площадь, освобождающуюся в случае выбытия основного съемщика или образования у него излишней изолированной комнаты.

В данном случае ответчик Трофимов вселился на спорную площадь в 1946 году, а потому эта площадь, освободившаяся ввиду смерти основного съемщика, подлежала закреплению за ответчиком как за самостоятельным постоянным пользователем.

То обстоятельство, что Трофимов является инвалидом Отечественной войны, подтверждено имеющимися в деле документами.

По изложенным соображениям, принимая во внимание ясность фактических обстоятельств дела, не требующих передачи его на новое рассмотрение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 3-го участка Сталинского района г. Москвы от 23 октября 1950 г. и определение Московского городского суда от 27 ноября 1950 г. отменить и в иске Жилищному отделу исполкома Сталинского райсовета депутатов трудящихся о выселении Трофимова с занимаемой им и его семьей жилой площади отказать.

8. ОТМЕНА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ВВИДУ ТОГО, ЧТО ПОЛОЖЕННЫЕ В ОСНОВАНИЕ РЕШЕНИЯ ДОКУМЕНТЫ ПРИЗНАНЫ ВЫДАВШИМ ИХ УЧРЕЖДЕНИЕМ НЕПРАВИЛЬНЫМИ

Определение по делу № 361785 по иску Рысиной к Луговкину и другим о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 5 сентября 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Московского областного суда от 27 декабря 1948 г. и на определение Верховного

суда РСФСР от 21 марта 1949 г. по иску Рысиной к Луговкину и другим о выселении и по иску Городского отдела коммунального хозяйства к Рысиной и Урусову о признании утратившим силу договора застройки и о признании недействительным

нотариального свидетельства о наследовании.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В связи с переселением по реконструкции из г. Москвы Гиршфельд был предоставлен земельный участок в г. Бабушкине, и 2 марта 1937 г. с ней был заключен договор застройки. На отведенном для застройки участке Гиршфельд возвела временное жилое строение и построила фундамент жилого дома.

В июне 1940 года Гиршфельд умерла, и 15 января 1941 г. нотариальная контора выдала свидетельство о наследовании временного жилого строения, оставшегося после Гиршфельд, ее дочери — Рысиной В. Г., сыну — Урусову Г. И. и внучке — Рысиной И. Н.

В 1943 году, во время нахождения Рысиной В. Г. в эвакуации, без ведома собственников во временное жилое строение поселились ответчики Луговкины, а затем, в 1945 году, их родственники Петровы.

Считая, что принадлежащее Рысиной В. Г. и другим наследникам Гиршфельд строение занято ответчиками неправомерно, Рысина в августе 1947 года предъявила в народном суде иск о выселении ответчиков.

В дело вступил с самостоятельным иском городской отдел коммунального хозяйства, который просил суд признать договор застройки от 2 марта 1937 г. утратившим силу, так как Гиршфельд своевременно не приступила к строительству дома на отведенном участке согласно проекту застройки, а также признать недействительным свидетельство о наследовании, выданное Рысиным и Урусову.

В подтверждение иска Горкомхоз представил решение исполкома горсовета от 28 января 1948 г., согласно которому коммунальному отделу исполкома было предложено возбудить в суде иск об изъятии у Рысиных и Урусова отведенного в 1937 году Гиршфельд участка под

застройку и возведенного на нем строения.

Последним решением Московского областного суда от 27 декабря 1948 г. постановлено в иске Рысиной к Луговкиным и Петровым о выселении отказать; договор застройки от 2 марта 1937 г., заключенный Горкомхозом с Гиршфельд М. П., расторгнуть и земельный участок передать Горкомхозу; свидетельство о наследовании строения, выданное Рысиным и Урусову 15 января 1941 г., признать недействительным.

Верховный суд РСФСР 21 марта 1949 г. решение Московского областного суда оставил в силе.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия считает, что решение Московского областного суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Горкомхоз предъявил иск к Рысиным и Урусову об изъятии земельного участка и возведенного на этом участке строения на основании решения исполкома горсовета по этому вопросу от 28 января 1948 г.

Между тем из приобретенной к протесту Генерального Прокурора СССР выписки из протокола заседания исполкома горсовета депутатов трудящихся от 1 декабря 1950 г. видно, что ранее вынесенное исполкомом решение от 28 января 1948 г. по вопросу изъятия земельного участка и временного строения у Рысиных и Урусова отменено, и исполком горсовета решением от 1 декабря 1950 г. признал предъявление Горкомхозом иска к Рысиной и представленные в обоснование иска материалы неправильными.

В связи с этими обстоятельствами не может быть признано правильным решение Московского областного суда, которое основано на указанных выше материалах дела.

Кроме того, суд без всяких к тому оснований признал недействительным свидетельство о праве наследования, так как истица Рысина В. Г., Рысина И. Н. и Урусов Г. И. в силу

ст. 413 ГК являются законными наследниками имущества Гиршфельд.

По изложенным мотивам, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

9. ПРИ НЕВЫПОЛНЕНИИ КОЛХОЗОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ПОСТАВКАМ МОЛОКА И МАСЛА ГОСУДАРСТВУ СУД ПО ЗАЯВЛЕНИЮ УПОЛНОМОЧЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ЗАГОТОВОК ВЗЫСКАВАЕТ С КОЛХОЗА НАТУРОЙ НЕДОВЫПОЛНЕННУЮ ЧАСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И НАЛАГАЕТ НА КОЛХОЗ ШТРАФ В РАЗМЕРЕ СТОИМОСТИ НЕВЫПОЛНЕННОЙ ЧАСТИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ИСЧИСЛЕННОЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАКУПОЧНОЙ ЦЕНЕ

Определение по делу № 36/1933 по заявлению уполномоченного Министерства заготовок о взыскании с колхоза недоимки по обязательным поставкам молока

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 октября 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Карело-Финской ССР от 20 сентября 1951 г. по заявлению уполномоченного Министерства заготовок по Кондопожскому району о взыскании недоимки по обязательным поставкам государству молока с колхоза «Ленинский путь» и о наложении штрафа.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Колхоз «Ленинский путь» Кондопожского района по состоянию на 1 июня 1951 г. имел недоимку по обязательным поставкам государству молока.

Народный суд 1-го участка Кондопожского района решением от 10 июля 1951 г. взыскал с колхоза «Ленинский путь» недоимку молока в натуре и за невыполнение в срок поставки молока государству наложил на колхоз штраф в размере стоимости невыполненной части обязательства, исчисленной по государственной закупочной цене.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Карело-Финской ССР определением от 20 сентября 1951 г. решение народного суда в части наложения штрафа на колхоз изменила, снизив размер штрафа, а в части взыскания

Решение Московского областного суда от 27 декабря 1948 г. и определение Верховного суда РСФСР от 21 марта 1949 г. отменить и дело для нового рассмотрения передать в Московский областной суд в ином составе судей с участием прокурора.

недоимки молока оставила решение в силе.

Генеральный Прокурор СССР, считая неправильным определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Карело-Финской ССР в части изменения решения народного суда о снижении штрафа за невыполнение в срок государственных поставок колхозом, внес протест в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР об отмене определения Судебной коллегии Верховного суда Карело-Финской ССР.

Протест Генерального Прокурора СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В соответствии с п. 56 инструкции Министерства заготовок «О порядке проведения обязательных поставок молока и масла государству», утвержденной Министерством заготовок СССР 10 мая 1950 г.¹, за невыполнение колхозом обязательства по госпоставкам молока в срок налагается штраф в размере стоимости невыполненной части обязательства по государственной закупочной цене.

Народный суд правильно разрешил дело, а Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Карело-Финской ССР вопреки закону изменила решение народного суда, снизив размер штрафа, нало-

¹ Сборник приказов Министерства заготовок 1950 г. № 73.

женного на колхоз в связи с невыполнением обязательств по государственным поставкам молока, мотивируя снижение суммы штрафа тем, что несвоевременная уплата молока по обязательству колхозом произошла из-за использования большей части молока на выпойку телят.

Мотивы, положенные в основу определения Судебной коллегии о снижении суммы штрафа за невыполнение обязательств по государственным поставкам, противоречат

содержанию инструкции «О порядке проведения обязательных поставок молока и масла государству».

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Карело-Финской ССР от 20 сентября 1951 г. отменить, оставив в силе решение народного суда 1-го участка Кондопожского района от 10 июля 1951 г.

10. НЕПРАВИЛЬНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ИСКА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА

Определение по делу № 36/976 по иску Митюрниковой к Красноуральскому Рудоуправлению о возмещении вреда

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 14 ноября 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Московского городского суда от 27 февраля 1951 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 24 мая 1951 г. по иску Митюрниковой к Красноуральскому Рудоуправлению о возмещении вреда в связи со смертью мужа.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В марте 1948 года Митюрникова обратилась в суд с иском о взыскании с Красноуральского Рудоуправления средств на содержание свое и малолетних детей в связи со смертью мужа. По заявлению истицы ее мужу — Алексею, работавшему инженером на Ново-Левинском руднике Красноуральского Рудоуправления, 17 июня 1944 г. было причинено увечье, вследствие чего он заболел туберкулезом позвоночника и 19 октября 1944 г. умер.

Дело было передано на рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции. Решением Московского городского суда от 27 февраля 1951 г. иск Митюрниковой был удовлетворен.

Митюрникова получала на себя и детей пенсию по социальному обеспечению, а потому ее иски были удовлетворены в раз-

мере той части заработка умершего, которая приходилась на содержание членов его семьи с зачетом получаемой пенсии.

Определением Верховного суда РСФСР от 24 мая 1951 г. решение Московского городского суда оставлено в силе с изменением лишь размера подлежащих взысканию сумм.

Соглашаясь частично с протестом, Судебная коллегия находит, что решение Московского городского суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Судом с достаточной полнотой не исследованы обстоятельства дела, ввиду чего решение Московского областного суда от 27 февраля 1951 г., которое Верховный суд РСФСР в основном оставил в силе, не только не вытекает из материалов дела, но находится в противоречии с ними.

В подтверждение того, что муж истицы — Алексей — в 1944 году, во время работы на руднике Красноуральского Рудоуправления, получил по вине предприятия увечье, в результате которого через несколько месяцев умер, суд ссылается на справку начальника шахты Петухова от 15 января 1946 г., на имеющуюся в деле направление Алексея на консультацию в поликлинику, на служебную записку главного врача Полевской городской больницы,

в которой Алексеев находился на излечении, и на акт о несчастном случае.

Между тем, если обратиться к анализу указанных выше доказательств, то устанавливается, что справка начальника шахты Петухова была составлена им со слов неизвестного работника, что Петухов свидетелем происшедшего с Алексеевым несчастного случая не был и что в документах шахты этот случай не значится. Петухов же, будучи опрошен народным судом в качестве свидетеля, показал, что Алексеев и до происшедшего якобы с ним случая жаловался на боль позвоночника, от туберкулеза которого и туберкулеза легких впоследствии и наступила смерть.

Что касается отношения о направлении Алексеева на консультацию в поликлинику и справки главного врача Полевской больницы, то эти документы не могли быть положены в основу решения об удовлетворении иска, так как ни указанное направление, ни справка врача не содержат в себе данных, которые подтверждали бы факт несчастного случая. Более того, в справке главного врача отмечается, что данными о прежних заболеваниях Алексеева (кроме туберкулеза позвоночника) и его ушибах больница не располагает.

В свете сказанного достоверность акта о несчастном случае также вызывает сомнения, и эти сомнения

подкрепляются дополнительно представленными с протестом прокурора документами, а именно: объяснениями горно-технического инспектора Новикова, которым указанный акт о несчастном случае был подписан.

Из объяснения Новикова, которое требует судебной проверки, усматривается, что акт о несчастном случае с Алексеевым он подписал в 1947 году, не имея представления о том, был ли в действительности с Алексеевым несчастный случай или нет; причем Новиков заявляет, что, подписывая акт, он был введен в заблуждение недобросовестными действиями работников шахты, желавшими за счет государства помочь семье Алексеева.

Таким образом, поскольку ни факта несчастного случая с Алексеевым, ни причинной связи между этим случаем (если он имел место) и последовавшей затем смертью Алексеева не установлено, решение суда об удовлетворении иска Митурниковой нельзя признать правильным.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Московского городского суда от 27 февраля 1951 г. и определение Верховного суда РСФСР от 24 мая 1951 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же городской суд в ином составе с участием прокурора.

**11. ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД
МОЖЕТ ВЫНЕСТИ НОВОЕ РЕШЕНИЕ,
ЕСЛИ ВСЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА ВПОЛНЕ УСТАНОВЛЕННЫ
И В СОБИРАНИИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕТ НИКАКОЙ НУЖДЫ**

*Определение № 361895 по иску Валяевой к Зайцеву
о взыскании алиментов*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 3-го участка Звенигородского района, Московской области, от 6 июля 1948 г. и на после-

дующие судебные определения по иску Валяевой к Зайцеву о взыскании алиментов на ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

В июне 1948 года Валяева обратилась в суд с иском к Зайцеву Сергею Ивановичу о взыскании али-

ментов на ребенка, родившегося 6 января 1939 г.

В обоснование своих исковых требований истица указывала, что она с ответчиком находилась в фактических брачных отношениях; в результате чего родила ребенка, отцом которого в книгах загса был записан ответчик Зайцев.

Рассмотрев дело, народный суд 3-го участка Звенигородского района, Московской области, решением от 6 июля 1948 г. иск Валяевой удовлетворил и постановил взыскивать с Зайцева Сергея Ивановича алименты на ребенка в размере $\frac{1}{4}$ части зарплаты ответчика, начиная с 7 июня 1948 г.

В 1949 году Валяева обратилась в суд с ходатайством разъяснить решение в порядке ст. 185 ГПК РСФСР в том смысле, что присужденные по этому решению алименты подлежат взысканию не с Зайцева Сергея Ивановича, а с Зайцева Степана Степановича. Свою просьбу Валяева объяснила тем, что в период сожительства с ней Зайцев называл себя Сергеем Ивановичем, тогда как на самом деле его действительные имя и отчество были Степан Степанович, чего она, Валяева, до последнего времени не знала. В результате же ошибочного указания имени и отчества ответчика в свидетельстве о рождении и в решении суда исполнение решения о взыскании на ребенка алиментов не может быть произведено.

Определением народного суда 3-го участка Звенигородского района от 29 марта 1949 г., которое Московский областной суд оставил в силе, в удовлетворении ходатайства Валяевой о разъяснении решения отказано ввиду того, что такое разъяснение означало бы изменение судебного решения по существу.

В 1950 году Валяева вновь обратилась в суд с ходатайством, которым просила установить тот факт, что Зайцев Сергей Иванович и Зайцев Степан Степанович является одним и тем же лицом.

Определением народного суда от 8 декабря 1950 г. указанное ходатайство Валяевой было удовлетворено, но по частной жалобе Зайцева С. С. Московский областной суд 16 декабря 1950 г. это определение отменил и производство в связи с заявленным Валяевой ходатайством прекратил.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР дело рассматривалось Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РСФСР, которая 23 марта 1951 г. определение Московского областного суда от 16 декабря 1950 г. отменила, а определение народного суда от 8 декабря 1950 г. оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда от 6 июля 1948 г. и всех последующих судебных определений подлежит удовлетворению по мотивам, изложенным в протесте, а именно: в порядке, предусмотренном постановлением Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г., судом могут рассматриваться дела об установлении факта принадлежности одному и тому же лицу документов в тех случаях, когда это лицо по-разному именуется в относящихся к нему документах, устанавливающих его личные или имущественные права.

В данном же случае речь идет о необходимости исправления записи о рождении ребенка истицы в книгах записи актов гражданского состояния и об изменении судебного решения о взыскании на этого ребенка алиментов, причем необходимость таких исправлений вызвана не тем, что в различных относящихся к Зайцеву документах он именуется по-разному, а потому, что он в целях обмана истицы и уклонения от уплаты алиментов называл себя вымышленным именем, выдавая себя за Сергея Ивановича, в то время как его настоящие имя и отчество были и являются Степан Степанович.

При таком положении суд не вправе был рассматривать в поряд-

ке особого производства заявленное истицей ходатайство об установлении факта, что Зайцев Сергей Иванович и Зайцев Степан Степанович является одним и тем же лицом, так как этот вопрос мог быть разрешен лишь в порядке пересмотра ошибочно постановленного судом решения от 6 июля 1948 г. и соответствующего исправления записи о рождении ребенка истицы в книгах записи актов гражданского состояния.

Из имеющихся в деле материалов видно, что отцом ребенка Валяевой является Зайцев Степан Степанович (вымышленно называвший себя Сергеем Ивановичем); с которым истица в период, относящийся к зачатию ребенка, сожительствовала и который по его согласию был в органах загса зарегистрирован отцом этого ребенка.

По делу также установлено, что после рождения ребенка и до начала Отечественной войны Зайцев Степан Степанович добровольно оказывал истице материальную помощь в содержании ребенка, выплачивая ей ежемесячно по 70 руб., что Зайцев С. С. не отрицает, но ссылается при этом на то, что пересылал истице деньги в результате ее вымогательств. По окончании Отечественной войны, когда Валяева вновь разыскала Зайцева С. С., последний приезжал к ней и в присутствии свидетеля Борисова просил Валяеву не возбуждать судебного дела об алиментах, обещая добровольно платить на содержание ребенка по 250—300 руб. в месяц. Кроме того, целый ряд допрошенных судом сви-

детелей удостоверял, что именно Зайцев С. С. был тем мужчиной, который сожительствовал с Валяевой в период, относящийся к зачатию ребенка, родившегося в 1939 году.

На основании изложенного и принимая во внимание ясность фактических обстоятельств дела, исключаящих необходимость передачи его на новое рассмотрение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 3-го участка Звенигородского района Московской области от 6 июля 1948 г. и все последующие судебные определения, вынесенные по ходатайству Валяевой об истолковании этого решения и об установлении факта тождества личности, отменить.

Взыскивать с Зайцева Степана Степановича в пользу Валяевой Евдокии Ивановны на содержание сына Анатолия, родившегося 6 января 1939 г., по $\frac{1}{4}$ части зарплаты ежемесячно, начиная с июля 1948 года до совершеннолетия ребенка. Предложить Звенигородскому отделу записей актов гражданского состояния внести исправление в запись акта рождения Анатолия Зайцева, родившегося 6 января 1939 г., указав в записи отцом ребенка Зайцева Степана Степановича.

Предложить народному суду 3-го участка Звенигородского района Московской области в соответствии со ст. ст. 34—36 и 46 ГПК РСФСР определить сумму единой государственной пошлины, подлежащей взысканию с Зайцева Степана Степановича.

Редактор **А. А. ВОЛИН**

Издатель: Государственное издательство юридической литературы,
Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж-2-46-67.

А-00102. Сдано в прои... 1951 г. Подписано к печати 8/1 1952 г.
Уч.-изд. л. 4,20. Бумага 70... 4,11 печат. л. Цена 1 р. 50 к.
Тираж 2... 801.

Техни...
Корректор...

13-я типография Гл... Министров СССР,
Москва

ЮФ СПбГУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ЧЕРЕЗ КНИГОТОРГУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Творческая роль Советского государства и права в построении социалистического и коммунистического общества — А. С. Федосеев, стр. 284, цена 11 руб.

Солидарность интересов в советском гражданском праве — И. П. Новицкий, стр. 120, цена 3 руб.

Алиментные обязательства — А. И. Пергамент, стр. 168, цена 4 руб. 40 к.

История царской тюрьмы — Проф. М. Н. Гернет, том I (издание второе, дополненное и пересмотренное), стр. 328, цена 12 руб. 90 коп.

История царской тюрьмы — Проф. М. Н. Гернет, том II (издание второе, дополненное и пересмотренное), стр. 548, цена 20 руб.

**УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ
ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ
И ШКОЛ**

Советский уголовный процесс (учебник для юридических вузов), издание второе, переработанное, М. А. Чельцов, стр. 512, цена 12 руб. 85 коп.

Советское уголовное право, часть особенная (учебник для юридических вузов), стр. 432, цена 11 руб.

Советское судоустройство (учебник для юридических вузов) — Д. С. Карев, стр. 312, цена 8 руб. 35 коп.

Советское гражданское право, том II (учебное пособие для юридических вузов) — под редакцией проф. С. Н. Братуся, стр. 496, цена 12 руб. 50 коп.

Советское семейное право (учебное пособие для юридических вузов) — Г. М. Свердлов, стр. 224, цена 6 руб. 30 коп.

Судебная медицина, издание третье, дополненное (учебник для юридических вузов) — Проф. М. И. Авдеев, стр. 432, цена 11 руб. 40 коп.

Советское земельное право (учебник для юридических школ) — Г. Н. Полянская, А. А. Рускол, стр. 248, цена 5 руб. 60 коп.

Судебная психиатрия (учебник для юридических школ), стр. 332, цена 7 руб.

История русской политической мысли (конспект лекций), — В. С. Покровский, вып. I, стр. 130, цена 2 руб. 30 коп.

**МАССОВАЯ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Постоянные комиссии местных Советов депутатов трудящихся — А. В. Лукин, стр. 64, цена 80 коп.

Сельский Совет депутатов трудящихся в борьбе за подъем социалистического хозяйства — С. И. Чугунов, стр. 80, цена 90 коп.

Охрана прав матери и ребенка в СССР — А. С. Краснопольский, Г. М. Свердлов, стр. 120, цена 1 руб. 50 коп.

Усыновление по советскому праву — Г. М. Свердлов, стр. 40, цена 55 коп.

Уголовное право на службе англо-американской реакции — Б. С. Утевский, стр. 116, цена 1 руб. 50 коп.

*Продажа книг производится в магазинах книготоргов и киосках Сельтепчати
Письменные заказы на книги выполняются наложенным платежом (без задатка)
республиканскими, краевыми и областными отделами «книга—почтой»*

ИЗДАТЕЛЬСТВО НЕПОСРЕДСТВЕННО ПРОДАЖИ КНИГ НЕ ПРОИЗВОДИТ.